№ 462
9(с)173
Т 53
300976
9(47)8
Т 53

Л. Н. Толстой

О ЗНАЧЕНІИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1907.– ИЗДАНІЕ В. ВРУБЛЕВСКАГО

Поступили въ продажу слѣдующія изданія В. Врублевскаго:

Бернштейнъ Эдуардъ.—Условія возможности соціализма и задачи соціалъ-демократіи. Спб. 1906, ц. 75 к.

Гейне Генрихъ.—Германія. Зимняя сказка (написана въ 1844 г.). Переводъ Заѣзжаго, просмотрѣнный И. С. Тургеневымъ и исправленный по его замѣчаніямъ. Спб. 1906 г., ц. 50 к.

Дашкова Е. Р. Княгиня.—Записки. Спб. 1906 г., ц. 1 р.

Екатерина II Императрица.—Записки. Спб. 1906 г., ц. 1 р.

Каутскій Карлъ.—Эрфуртская программа. Спб. 1906 г. ц. 50 к.

Кеннанъ Джорджъ.—Тюрьмы въ Россіи. (Жизнь политическихъ арестантовъ въ русскихъ тюрьмахъ.—Русская политическая тюрьма Петропавловская крѣпость.—Русскіе государственные преступники). Спб. 1906 г. ц. 30 к.

Кеннанъ Джорджъ.—Сибирь и ссылка. Спб. 1906 г., ц. 1 р. 25 к.

Лассаль Фердинандъ.—О сущности конституціи.—Что же теперь? (Вторая рѣчь о сущности конституціи).—Гласный отвѣтъ центральному комитету. Спб. 1906 г. ц. 30 к.

Лассаль Фердинандъ. — Программа работниковъ. Спб. 1906 г., ц. 10 к.

Лассаль Фердинандъ.—Капиталъ и трудъ. Спб. 1906 г., ц. 60 к.

Марксъ Карлъ.—Гражданская война во Франціи (1870—1871 г.). Спб. 1906 г., ц. 30 к.

Марксъ Карлъ. Классовая борьба во Франціи въ 1848—1850 г.г. Спб. 1906 г., ц. 40 к.

Марксъ Карлъ.—Революція и контръ-революція въ Германіи. Спб. 1906 г., ц. 40 к.

Степнякъ С.—Домикъ на Волгѣ. Повѣсть. Спб. 1906 г., ц. 40 к.

Степнякъ С.—Павелъ Руденко. Романъ. Спб. 1906 г., ц. 1 р.

Степнякъ С.—Подпольная Россія. Съ портретами. Спб. 1906 г., ц. 80 к.

Толстой Л.—Исповѣдь. Спб. 1906 г., ц. 20 к.

Щербатовъ М. М. Князь.—О поврежденіи нравовъ въ Россіи. Спб. 1906 г., ц. 50 к.

Складъ изданій: СПБ. Виленскій пер., 7, кв. 1.

9(с)173
Т53
9

Л. Н. Толстой

О ЗНАЧЕНІИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

Свердловская Высш. Коммун.
Фундаментальная
БИБЛИОТЕКА
с/х. Школа им. В. И. Ленина

Коммунистического Университета

ПРОВЕРЕНО
в 1937 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1907.—ИЗДАНІЕ В. ВРУБЛЕВСКАГО

БИБЛИОТЕКА
СВЕРДЛОВСКОГО
ГОСУНИВЕРСИТЕТА

9(C)173

Типо-Литографія Н. Л. Ныркина, Измайловск. полкъ, 7 рота, 13.

„Мы живемъ въ важное время. Никогда людямъ не предстояло столько дѣла. Нашъ вѣкъ есть вѣкъ революціи въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—не матеріальной, но нравственной революціи Вырабатывается высшая идея общественнаго устройства и человѣческаго совершенства. Мы не доживемъ до жатвы, но сѣять съ вѣрой есть великое счастіе“.

Чаннингъ.

Поклонники пользы не имѣютъ иной нравственности, кромѣ нравственности выгоды, и иной религіи, кромѣ религіи матеріальнаго блага. Они нашли тѣло человѣка изуродованнымъ и истощеннымъ нищетой и въ своемъ необдуманномъ рвеніи сказали себѣ: «давайте, излѣчимъ это тѣло; когда оно будетъ сильно, жирно, хорошо упитано, то душа вернется въ него“. А я говорю, что излѣчить это тѣло можно, только излѣчивъ душу. Въ ней корень болѣзни, и тѣлесные недуги являются лишь внѣшними проявленіями этой болѣзни. Современное человѣчество умираетъ отъ отсутствія общей вѣры, общей идеи, связующей землю съ небомъ, вселенную съ Богомъ. Отъ отсутствія этой религіи духа, отъ которой остались лишь пустыя формы и безжизненныя формулы, отъ полнаго отсутствія чувства долга, способности жертвовать собою, человѣкъ, подобно дикарю, палъ, распростертый во прахъ, и воздвигъ на пустомъ алтарѣ идолъ „выгодѣ“. Деспоты и князья міра сего стали его первосвященниками. Отъ нихъ-то и возникла отвратительная формула морали выгоды, глася-щая: „каждый только для своихъ, каждый только для себя“.

Іосифъ Мадзини.

Видя толпы народа, Онъ сжалился надъ ними что они были изнурены и разсѣяны, какъ овцы, не имѣющія пастыря.

Матѳей IX, 36.

9(C)173

Въ Россіи совершается революція, и весь міръ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за ней, угадывая и стараясь предвидѣть, къ чему ведетъ и приведетъ русскихъ людей эта революція.

Предугадать и предвидѣть это для посторонних зрителей, наблюдающихъ русскую революцію извнѣ, можетъ-быть, и интересно и важно,— для насъ же, русскихъ людей, переживающихъ эту революцію, совершающихъ ее, главный интересъ не въ предугадываніи того, что будетъ, а въ наиболѣе ясномъ и твердомъ опредѣленіи того, что намъ, русскимъ, надо дѣлать въ то, огромной важности для насъ, грозное и опасное время, которое мы переживаемъ.

Всякая революція есть всегда измѣненіе отношенія народа къ власти.

Такое измѣненіе происходитъ теперь въ Россіи, и измѣненіе это совершаемъ мы, всѣ русскіе люди.

И потому, для того, чтобы намъ знать, какъ именно мы можемъ и должны измѣнить свое отношеніе къ власти, необходимо понять сущность власти, въ чемъ она состоитъ, какъ она возникла и какое наилучшее отношеніе къ ней.

I.

Всегда, во всѣхъ народахъ, происходило одно и то же. Среди людей, занятыхъ необходимымъ, свойственнымъ всѣмъ людямъ дѣломъ кормленія себя и своихъ семей либо охотой (звѣроловы), либо прирученными животными (кочевники), либо земледѣліемъ, — всегда появлялись люди — иногда своего народа, иногда чужого, которые силою отнимали у трудящихся плоды ихъ трудовъ: сначала грабили, потомъ порабощали ихъ и требовали съ нихъ или работу на себя или дани. Такъ это происходило въ древности, происходитъ и теперь въ Африкѣ и Азіи. И всегда и вездѣ трудящіеся, занятые своимъ привычнымъ, неизбѣжно необходимымъ и неотрывнымъ дѣломъ борьбы съ природой для пропитанія себя и взращенія своихъ дѣтей, хотя несравненно болѣе многочисленные и всегда болѣе нравственные, чѣмъ завоеватели, покорялись завоевателямъ и исполняли ихъ требованія.

Покорялись они потому, что, при свойственномъ всѣмъ людямъ вообще отвращеніи отъ борьбы съ людьми, въ особенности же людямъ, занятымъ серьезнымъ трудомъ съ природой для поддержанія существованія себя и семьи, люди эти предпочитали нести послѣдствія совершаемыхъ надъ ними насилій отрыванію себя стъ необходимаго, привычнаго и любимаго ими дѣла.

Тутъ, конечно, не было никакихъ договоровъ Гуго Гроція или Руссо, которыми объяснялись отношенія подвластныхъ къ властвующимъ. Точно такъ же не было и не могло быть соглашенія людей, какъ это предста-

вляетъ себѣ Спенсеръ въ его: „Principles of Sociology“, о томъ, какъ наилучшимъ способомъ устроиться въ общественной жизни, но всегда выходило самымъ естественнымъ образомъ то, что, когда одни люди насиловали другихъ, то насилуемые предпочитали не только перенесеніе многихъ тяжестей, но часто великихъ бѣдствій, заботамъ и усиліямъ, нужнымъ для противодѣйствія насильникамъ, тѣмъ болѣе, что завоеватели брали на себя обязанность защищать покоренный народъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ нарушителей спокойствія. И потому всегда было то, что большинство людей, занятыхъ необходимымъ для нихъ, какъ и для всѣхъ животныхъ, трудомъ прокармливанія себя и своихъ семей, не только безъ борьбы переносило всѣ неизбѣжныя неудобства, тягости и даже жестокости властителей, но и подчинялось имъ, признавая своей обязанностью исполненіе всѣхъ ихъ требованій.

Говоря объ образованіи первоначальныхъ обществъ, всегда забываютъ то, что не только самые многочисленные и самые необходимые, но и самые нравственные члены общества—это всегда тѣ, которые своимъ трудомъ поддерживаютъ жизнь всѣхъ остальныхъ, и что такимъ людямъ всегда естественнѣе, вмѣсто того, чтобы отрываться отъ необходимаго дѣла — поддержанія жизни себя и своихъ семей—для борьбы съ насиліемъ,—подчиняться насилію и нести всѣ сопряженныя съ нимъ тяжести. Такъ это и теперь, когда мы видимъ бирманцевъ, египетскихъ феллаховъ и буровъ, подчиняющихся англичанамъ, бедуиновъ—французамъ,—такъ это тѣмъ болѣе было въ старинныя времена.

Въ послѣднее время въ томъ, весьма распространенномъ теперь, странномъ ученіи, которое называется наукой соціологіи, утверждается, что отношенія людей въ обществѣ сложились и складываются на основаніи экономическихъ условій. Но такое утвержденіе есть только подстановка, вмѣсто очевидной и ясной причины явленія, одного изъ его послѣдствій. Причина тѣхъ или иныхъ экономическихъ условій всегда была

и не можетъ быть ни въ чемъ иномъ, какъ только въ насиліи однихъ людей надъ другими; экономическія же условія суть послѣдствія насилія и потому никакъ не могутъ быть причиной отношеній между людьми.

Всегда было то, что люди недобрые, любящіе праздность и завистливые—Каины нападали на земледѣльцевъ—Авелей и, угрожая убійствомъ и убивая, пользовались трудами работающихъ людей. Люди же добрые, смирные и трудолюбивые, вмѣсто того, чтобы бороться съ насильниками (чего они отчасти не хотѣли, отчасти не могли дѣлать, не прекращая труда кормленія себя и своихъ ближнихъ), считали для себя наилучшимъ повиноваться имъ. На этихъ-то насиліяхъ злыхъ надъ добрыми, а никакъ не на экономическихъ условіяхъ, и основались и основываются и держатся до сихъ поръ всѣ существующія человѣческія общества.

II.

Съ самыхъ древнихъ временъ и у всѣхъ народовъ міра отношеніе людей властвующихъ и подвластныхъ основывалось на насиліи. Но отношеніе это, какъ и все въ мірѣ, постоянно измѣнялось и измѣняется. Измѣняется оно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что власть, то-есть люди праздные, пользующіеся властью, по мѣрѣ упроченія и продолженія власти, все болѣе и болѣе развращаются, становятся неразумными и жестокими, и требованія ихъ становятся все болѣе и болѣе вредными для подвластныхъ, и, во-вторыхъ,—потому что, одновременно съ развращеніемъ властителей, все болѣе и болѣе уясняется для подвластныхъ безуміе и вредъ ихъ повиновенія развратившейся власти.

Развращаются же властвующіе люди всегда, во-первыхъ, потому, что люди эти, по самому характеру своему люди безнравственные, предпочитающіе праздность и насиліе труду, завладѣвъ властью и пользуясь ею для удовлетворенія своихъ похотей и страстей, все болѣе и болѣе отдаются своимъ страстямъ и порокамъ; во-вторыхъ,

погому, что похоти и страсти, встрѣчая у обыкновенныхъ людей препятствія для своего удовлетворенія, у властвующихъ не только не встрѣчаютъ такихъ преградъ и не вызываютъ осужденія, а, наоборотъ восхваляются всѣми приближенными. Приближеннымъ большею частью выгодно безуміе ихъ властителей, и, кромѣ того, имъ пріятно думать, что тѣ добродѣтели и мудрость, которымъ только и свойственно подчиняться разумнымъ людямъ, находятся въ тѣхъ людяхъ, которымъ они подчиняются, и потому пороки властителей, восхваляемые какъ добродѣтели, разрастаются до ужаснѣйшихъ размѣровъ.

Вслѣдствіе этого и доходятъ коронованные и некоронованные властители народовъ до тѣхъ ужаснѣйшихъ предѣловъ безумія и порока, до которыхъ доходили: Нероны, Карлы, Генрихи, Людовики, Іоанны, Петры, Екатерины, Мараты. Но не это одно. Если бы властители довольствовались однимъ личнымъ развратомъ, пороками, они бы не были такъ вредны; но празднымъ, пресыщеннымъ и развращеннымъ людямъ, каковы бывали и бываютъ властители, надо жить чѣмъ-нибудь, имѣть цѣли, достигать ихъ. Иныхъ же цѣлей у этихъ людей не можетъ быть, какъ только цѣли достиженія все большей и большей славы. Во всѣхъ другихъ страстяхъ предѣлъ пресыщенія наступаетъ очень скоро. Только страсть славолюбія не имѣетъ предѣловъ, и потому почти всѣ властители всегда стремились и стремятся къ славѣ и преимущественно военной, какъ единственно доступной людямъ развращеннымъ, не знающимъ настоящаго труда и неспособнымъ къ нему. Для войнъ же, которыя затѣваютъ властители, нужны деньги, войска и, главное, убійство людей. Вслѣдствіе же всего этого положеніе подвластныхъ становится все тяжелѣе и тяжелѣе. И наконецъ тяжесть эта доходитъ до такой степени, при которой подвластные уже не могутъ по прежнему продолжать подчиняться власти и стараются измѣнить свое отношеніе къ ней.

III.

Такова одна причина измѣненія отношенія властителей и подвластныхъ.

Другая, еще болѣе сильная, причина этого измѣненія въ томъ, что подвластные, признавая надъ собой право власти и привыкнувъ подчиняться ей, съ распространеніемъ просвѣщенія и уясненіемъ нравственнаго сознанія, начинаютъ видѣть и чувствовать не только все бо́льшую и бо́льшую матеріальную зловредность власти, но и то, что подчиненіе власти становится безнравственнымъ дѣломъ.

Возможно было народамъ за тысячу, пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, повинуясь своимъ властителямъ, избивать цѣлыя населенія чужихъ народовъ ради завоеваній или ради династическихъ или фанатически-религіозныхъ цѣлей: рубить головы, пытать, четвертовать, запирать въ клѣтки, истреблять или обращать въ рабство цѣлыя населенія. Но въ XIX и XX вѣкахъ подвластные люди, просвѣщенные христіанствомъ или выросшими изъ него гуманитарными ученіями, уже не могутъ безъ укора совѣсти повиноваться власти, требующей участія въ убійствѣ людей, защищающихъ свою свободу, какъ китайская война, бурская, филиппинская; не могутъ уже, какъ прежде, съ спокойной совѣстью чувствовать себя участниками тѣхъ насилій и казней, которыя совершаются теперь всѣми правительствами въ своихъ государствахъ.

Такъ что насильническая власть, по мѣрѣ своего продолженія, съ двухъ концовъ уничтожаетъ сама себя: уничтожаетъ себя своей все увеличивающейся развращенностью властителей и вытекающей изъ нея все большей и большей тяжестью для подвластныхъ, и своимъ все бо́льшимъ и бо́льшимъ отступленіемъ отъ все развивающихся и разъясняющихся нравственныхъ требованій подвластныхъ. И потому, при существованіи насильнической власти, неизбѣжно долженъ наступить моментъ, когда отношеніе народа къ власти должно измѣниться. Моментъ этотъ можетъ наступить

раньше или позже, смотря по степени и по быстротѣ развращенія власти, по степени ея хитрости, по болѣе или менѣе спокойному или безпокойному темпераменту народа и даже въ зависимости отъ географическаго положенія народа, содѣйствующаго или препятствующаго общенію людей между собою; но рано или поздно моментъ этотъ неизбѣжно наступаетъ и долженъ наступить для всѣхъ народовъ.

Для западныхъ народовъ, возникшихъ на развалинахъ Римской имперіи, моментъ этотъ наступилъ давно. Борьба народа съ властью началась еще въ Римѣ, продолжалась и во всѣхъ наслѣдовавшихъ Риму государствахъ, продолжается и теперь. Для восточныхъ народовъ: Турціи, Персіи, Индіи, Китая, моментъ этотъ не наступилъ еще. Для русскаго же народа онъ наступилъ именно теперь.

Русскій народъ стоитъ теперь передъ страшнымъ выборомъ: продолжать ли, несмотря на всѣ претерпѣваемыя отъ него бѣдствія, повиноваться, по примѣру восточныхъ народовъ, своему неразумному и развращенному правительству, или, какъ до сихъ поръ поступали всѣ западные народы, признавшіе вредъ существующаго правительства, свергнуть его силою и установить новое.

Такой выборъ представляется самымъ естественнымъ людямъ нерабочихъ классовъ русскаго народа, находящимся въ общеніи съ высшими достаточными классами западныхъ народовъ и считающимъ благомъ то военное могущество и успѣхъ промышленности, торговли и техническихъ усовершенствованій и тотъ внѣшній блескъ, до котораго, при своихъ измѣненныхъ управленіяхъ, дошли западные народы.

IV.

Большинство русскихъ людей нерабочихъ классовъ вполнѣ увѣрено, что русскій народъ, въ моментъ наступившаго теперь для него кризиса, не можетъ ничего сдѣлать лучшаго, какъ идти по пути, по которо-

му шли и идутъ западные народы, т.-е. бороться съ властью, ограничивать ее и передавать ее все болѣе и болѣе въ руки всего народа.

Справедливо ли такое мнѣніе, и хороша ли такая дѣятельность?

Достигли ли западные народы, въ продолженіе сотенъ лѣтъ шедшіе по этому пути, того, къ чему они стремились? Избавились ли они на этомъ пути отъ тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ они хотѣли избавиться?

Западные народы, какъ и всѣ народы, начали съ того, что покорились тѣмъ властителямъ, которые требовали отъ нихъ подчиненія, предпочитая подчиненіе борьбѣ съ властью. Но власть эта, въ лицѣ Карловъ Великихъ, Пятыхъ, Филипповъ, Людовиковъ, Генриховъ VIII, все болѣе и болѣе развращаясь, дошла до такой степени, при которой западные народы не могли долѣе переносить ее. Западные народы возмущались въ различное время противъ своихъ властителей и боролись съ ними. Борьба эта проявлялась различно въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ но выражалась она всегда однимъ и тѣмъ же: междоусобными войнами, грабежами, убійствами, казнями, и кончалась тѣмъ, что свергалась прежняя власть и устанавливалась новая. Но когда и новая власть становилась такъ же тяжела для народа, какъ и свергнная, свергалась и эта и устанавливалась еще новая, которая по тѣмъ же неизмѣннымъ свойствамъ власти становилась такъ же вредна, какъ и прежняя. Такъ, напримѣръ, во Франціи въ продолженіе семидесяти лѣтъ было одиннадцать перемѣнъ власти: Бурбоны, Конвентъ, Директорія, Бонапартъ, Имперія, опять Бурбоны, Республика, Людовикъ Филиппъ, опять Республика, опять Бонапартъ, опять Республика. Замѣна старыхъ властей новыми совершалась и среди другихъ народовъ, хотя и не съ такой быстротой и рѣзкостью, какъ во Франціи. Замѣны эти большею частью не улучшали положенія народовъ, и потому люди, совершавшіе эти замѣны, не могли не придти къ мысли о томъ, что бѣдствія, испытываемыя ими, происходятъ не столько отъ свойства лицъ, пользующихся властью,

сколько отъ того, что существуетъ власть немногихъ надъ многими. И потому люди старались обезвредить власть ограниченіемъ ея. И ограниченіе это, въ видѣ выборныхъ сословныхъ палатъ, было введено въ различныхъ государствахъ.

Но люди, ограничивающіе произволъ власти и составляющіе собранія, дѣлаясь обладателями власти, естественно подпадали тому же свойственному власти развращающему вліянію, которому подпадали самодержавные властители. Люди эти, становясь участниками власти, хотя и не единолично, но совокупно или порознь, производили такое же зло и становились такъ же тяжелы для народа, какъ и самодержавные властители. Тогда для того, чтобы еще болѣе ограничить произволъ власти, среди нѣкоторыхъ народовъ была уничтожена совершенно монархическая власть и установлено правительство, составленное изъ людей, избранныхъ отъ всего народа. Такъ учредились теперь республики: Франціи, Америки, Швейцаріи, введены референдумъ и инициатива т.-е. возможность для каждаго члена общества вмѣшиваться и участвовать въ законодательствѣ.

Но всѣ эти мѣры сдѣлали только то, что граждане этихъ государствъ, все болѣе и болѣе участвуя во власти и отвлекаясь отъ серьезныхъ занятій, все болѣе и болѣе развращались. Бѣдствія же, отъ которыхъ страдаютъ народы, остались совершенно тѣ же, какъ при конституціонныхъ, монархическихъ, такъ и при республиканскихъ правительствахъ съ референдумами и безъ нихъ.

Оно и не могло быть иначе, такъ какъ мысль ограничить власть участіемъ во власти всѣхъ людей, подлежащихъ власти,—въ самомъ корнѣ своемъ ошибочна и представляетъ внутреннее противорѣчіе.

Если одинъ человѣкъ, съ помощью своихъ сотрудниковъ, управляетъ всѣми, то это несправедливо, и всѣ вѣроятія за то, что управленіе этого одного будетъ вредно для народа. То же самое будетъ и при власти меньшинства надъ большинствомъ.

Власть же большинства надъ меньшинствомъ такъ

же не обезпечиваетъ справедливаго управленія, такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній полагать, что большинство людей, участвующихъ въ управленіи, разумнѣе того меньшинства, которое уклоняется отъ участія въ управленіи.

Распространеніе же участія въ управленіи *на всѣхъ*, какъ это можетъ сдѣлать еще болѣе распространенное право референдума и инпціативы, сдѣлаетъ только то, что всѣ будутъ бороться со всѣми.

Власть одного человѣка надъ другимъ, основанная на насиліи, въ источникѣ своемъ есть зло, и потому никакое устройство, удерживающее право насилія человѣка надъ человѣкомъ, не можетъ сдѣлать того, чтобы зло перестало быть зломъ.

И потому во всѣхъ народахъ, какъ бы они ни управлялись, самыми деспотическими или самыми демократическими правительствами, одинаково остаются всѣ главныя и основныя бѣдствія народовъ: тѣ же все возрастающіе огромные бюджеты, тѣ же враждебныя отношенія съ сосѣдями, требующія военныхъ приготовленій и войскъ, тѣ же подати, тѣ же монополіи правительственныя и частныя, и то же лишеніе народа правъ пользованія землей, отданной въ собственность частнымъ землевладѣльцамъ; тѣ же порабощенныя народности, та же постоянная угроза войнъ и тѣ же войны, истребляющія жизни людей и подрывающія ихъ нравственность.

V.

Правда, что представительныя правительства Западной Европы и Америки, какъ конституціонно-монархическія, такъ и республиканскія, уничтожили нѣкоторыя внѣшнія злоупотребленія представителей власти, сдѣлали невозможнымъ, какъ это было при наслѣдственномъ монархическомъ правленіи, чтобы обладатели власти были такіе изверги, каковы были разные Людовики, Карлы, Генрихи, Іоанны. (Хотя и при представительномъ правленіи не только возможенъ захватъ власти людьми ничтожными, хитрыми, безнрав-

ственными и ловкими, каковы были разные первые министры и президенты, но устройство правительства таково, что достигнуть власти могутъ только такіе люди). Правда, представительство уничтожило такія злоупотребленія, какъ lettres de cachet, уничтожило стѣсненія печати, религіозныя гоненія и насилія. подвергло обсужденію представителей обложеніе народа податями, сдѣлало гласными и подлежащими обсужденію дѣйствія правительства, сдѣлало и то, что во всѣхъ этихъ государствахъ съ особенной быстротой развились разныя техническія усовершенствованія, дающія большія удобства жизни богатымъ гражданамъ и большую военную силу государствамъ. Такъ что народы съ представительнымъ правленіемъ несомнѣнно стали въ промышленности, торговлѣ и военномъ дѣлѣ могущественнѣе народовъ, управляемыхъ деспотическою властью, и жизнь нерабочихъ классовъ этихъ народовъ стала несомнѣнно обезпеченнѣе, удобнѣе, пріятнѣе, красивѣе, чѣмъ была прежде. Но стала ли лучше жизнь большинства людей этихъ народовъ, обезпеченнѣе, свободнѣе и, главное, разумнѣе и нравственнѣе?

Я думаю, что нѣтъ.

При деспотической, единоличной власти число людей, подвергающихся развращенію власти и живущихъ чужими трудами, бываетъ ограничено и состоитъ изъ близкихъ друзей и помощниковъ, прислужниковъ, льстецовъ властителей и ихъ помощниковъ. Дворъ властителей составляетъ единственный фокусъ зараженія развратной жизнью, отъ котораго оно лучами распространяется во всѣ стороны.

При ограниченіи же власти, т.-е. при участіи многихъ во власти, число этихъ фокусовъ увеличивается, такъ какъ каждый участникъ власти имѣетъ своихъ друзей, помощниковъ, прислужниковъ, льстецовъ и свое потомство.

При всеобщемъ же избирательномъ правѣ число этихъ центровъ заразы еще болѣе распространяется. Каждый избиратель становится предметомъ лести и подкупа. Измѣняется и самый характеръ власти: вмѣ-

сто власти, основанной на прямомъ насиліи, является власть денежная, основанная на томъ же насиліи, но не непосредственно, а черезъ сложную передачу.

Такъ что при представительномъ правленіи вмѣсто одного или немногихъ центровъ разврата является большое количество такихъ центровъ, т.-е. появляется большое количество людей, праздно живущихъ трудами рабочаго народа, появляется тотъ классъ людей, который называется буржуазіей, т.-е. людей, которые подъ покровительствомъ насилія устраиваютъ себѣ жизнь, свободную отъ тяжелаго труда, легкую и пріятную.

Но такъ какъ для устройства такой легкой и пріятной жизни не для одного монарха съ его дворомъ, а для тысячъ маленькихъ царьковъ, нужно много предметовъ, украшающихъ и веселящихъ праздную жизнь, то всегда съ переходомъ власти изъ деспотическаго въ представительное появляются изобрѣтенія, облегчающія доставленіе предметовъ удовольствія и огражденія жизни богатыхъ классовъ.

Для производства же всѣхъ этихъ предметовъ все болѣе и болѣе отрываются рабочіе отъ земледѣлія и силы ихъ направляются на приготовленіе для богатыхъ классовъ, и отчасти для самихъ рабочихъ, ничтожныхъ пріятностей. И является сословіе городскихъ рабочихъ, всегда по своему положенію находящихся въ полной зависимости отъ людей достаточныхъ классовъ. Число этихъ людей, по мѣрѣ продолженія существованія власти государствъ съ представительнымъ правленіемъ, все увеличивается, и положеніе ихъ все ухудшается. Въ Соединенныхъ Штатахъ на 70 милліоновъ жителей 10 милліоновъ пролетаріевъ, то же по отношенію пролетаріевъ къ достаточнымъ классамъ въ Англіи, Бельгіи, Франціи. Такъ что количество людей, освобождающихъ себя отъ труда вырабатыванія предметовъ первыхъ потребностей для труда приготовленія предметовъ роскоши, въ этихъ государствахъ все увеличивается и увеличивается. И потому ясно, что послѣдствіемъ такого хода жизни должно быть все большее и большее отягощеніе того уменьшающагося количества людей, которые должны поддерживать ро-

скошь жизни все увеличивающагося количества людей праздныхъ и роскошествующихъ. Очевидно, такая жизнь народовъ не можетъ продолжаться.

Совершается нѣчто подобное тому, что было бы съ человѣкомъ, тяжесть туловища котораго все увеличивалась бы и увеличивалась, ноги же, поддерживающія туловище, становились бы все тоньше и слабѣе. Туловище должно завалиться, когда нечему будетъ держать его.

VI.

Западные народы, какъ и всѣ народы, подчинились власти завоевателей только для того, чтобы избавиться отъ тревогъ и грѣха борьбы. Когда же власть стала тяжела, они, *не переставая подчиняться власти*, признавая ея необходимость, стали бороться съ нею. Сначала малая часть людей участвовала въ борьбѣ; потомъ, когда борьба малой части оказалась неуспѣшной, все бо́льшая и бо́льшая часть людей вступала въ борьбу, и кончилось тѣмъ, что вмѣсто освобожденія себя отъ тревогъ и грѣха борьбы большая часть людей этихъ народовъ приняла участіе во власти, въ томъ самомъ, отъ чего люди хотѣли избавиться, допустивъ власть надъ собою. И послѣдствіемъ этого было, какъ и должно было быть, все большее и большее развращеніе, свойственное власти, но уже не небольшого количества людей, какъ это было при единоличной власти, а всѣхъ членовъ общества (Теперь заботятся о томъ, чтобы подвергнуть этому развращенію и женщинъ).

При представительномъ правленіи и всеобщихъ выборахъ сдѣлалось то, что каждый обладатель частицы власти подвергся всѣмъ тѣмъ зловреднымъ вліяніямъ власти, которыя сопутствуютъ ей: подкупу, лести, тщеславію, самомнѣнію, праздности и, главное, безнравственному участію въ дѣлахъ насилія. Всякій членъ парламента подвергается всѣмъ этимъ соблазнамъ еще въ большей степени. Всякій депутатъ всегда начинаетъ свое вступленіе во власть подкупомъ, спаи-

ваніемъ, одуреніемъ, обѣщаніями, которыхъ онъ знаетъ, что не сдержитъ, и, засѣдая въ палатѣ, участвуетъ въ составленіи законовъ, приводимыхъ въ исполненіе насиліемъ. То же со всякими сенаторами, президентами. Существуетъ опредѣленная цѣна мѣстамъ въ парламентѣ, существуютъ дѣльцы, устраивающіе эти сдѣлки кандидата съ избирателями. Тотъ же развратъ при выборѣ президента. Выборъ президента въ Соединенныхъ Штатахъ стоитъ милліоны тѣмъ аферистамъ, которые знаютъ, что выбранный президентъ будетъ поддерживать выгодную имъ систему обложенія тѣхъ или иныхъ предметовъ или тѣ или иныя монополіи, и они сторицей возвратятъ то, что будетъ имъ стоить избраніе.

И развращеніе это со всѣми сопутствующими ему явленіями: съ желаніемъ избавиться отъ тяжелаго труда и пользоваться выработанными другими удобствами и пріятностями жизни, съ недоступными занятому трудомъ человѣку интересами и заботой объ общегосударственныхъ дѣлахъ, съ распространеніемъ лживыхъ и озлобляющихъ людей газетъ и, главное, съ враждой народовъ съ народами, сословій съ сословіями, людей съ людьми,—развращеніе это росло и росло и дошло въ наше время до такой степени, что борьба всѣхъ людей другъ противъ друга стала столь обычнымъ явленіемъ, что наука, — та наука, которая занята оправданіемъ всѣхъ гадостей, дѣлаемыхъ людьми,— рѣшила, что борьба и вражда всѣхъ противъ всѣхъ есть необходимое и благодѣтельное условіе человѣческой жизни.

Тотъ миръ, который древнимъ народамъ, привѣтствовавшимъ другъ друга словами: „миръ вамъ“, представлялся всегда какъ высшее благо, — теперь совершенно исчезъ среди западныхъ народовъ, и не только исчезъ, но люди стараются съ помощью науки увѣрить себя, что не въ мирѣ, а въ борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ высшее назначеніе человѣка.

И въ дѣйствительности, среди западныхъ народовъ ведется неперестающая промышленная, торговая, военная борьба: борьба государства съ государствомъ, сословія

съ сословіемъ рабочихъ съ капиталистами, партіи съ партіями, человѣка съ человѣкомъ.

Но этого мало. Главнымъ послѣдствіемъ этого участія во власти всѣхъ людей оказалось еще и то, что люди, все болѣе и болѣе отвлекаясь отъ прямого труда земледѣлія и все болѣе вовлекаясь въ самые разнообразные пріемы пользованія чужими трудами, лишились и своей независимости и уже самымъ положеніемъ своимъ приведены къ необходимости безнравственной жизни. Не имѣя охоты и привычки кормиться трудами съ своей земли, западные народы неизбѣжно должны были пріобрѣтать средства для своего существованія отъ другихъ народовъ. Пріобрѣтать же они могли эти средства только двумя путями: обманомъ, т.-е. обмѣномъ большею частью ненужныхъ и развращающихъ предметовъ, какъ алкоголь, опіумъ, оружіе, на необходимые имъ предметы питанія; и насиліемъ, т.-е. грабежомъ народовъ Азіи, Африки, вездѣ, гдѣ они чувствуютъ возможность безнаказанно грабить.

Таково положеніе Германіи, Австріи, Италіи, Франціи, Соединенныхъ Штатовъ и въ особенности служащей предметомъ подражанія и зависти другихъ народовъ Великобританіи. Почти всѣ люди этихъ народовъ, сдѣлавшись сознательными участниками насилія, отдаютъ свои силы и вниманіе на дѣятельность правительственную, промышленную и торговую, имѣющую главною цѣлью удовлетвореніе потребностей роскоши богатыхъ, и становятся людьми—отчасти прямой властью, отчасти деньгами — властвующими надъ земледѣльческими народами, которые доставляютъ имъ предметы первой необходимости, какъ въ своемъ государствѣ, такъ и внѣ его.

Таково въ нѣкоторыхъ государствахъ большинство, въ нѣкоторыхъ еще меньшинство; но процентъ этихъ живущихъ чужими трудами людей неудержимо и съ большой быстротой увеличивается въ ущербъ тѣхъ, которые еще трудятся разумнымъ земледѣльческимъ трудомъ. Такъ что уже теперь большинство народовъ западной Европы находятся въ томъ положеніи (Соеди-

ненные Штаты не находятся еще въ этомъ положеніи, но неудержимо идутъ къ нему), что они не могутъ кормиться своимъ трудомъ на своей землѣ. Имъ надо, такъ или иначе, насиліемъ или обманомъ, отбирать нужные для существованія предметы у другихъ, живущихъ еще независимо своими трудами, народовъ. Они и дѣлаютъ это либо развращеніемъ чужихъ народовъ, либо грубымъ насиліемъ.

При этомъ происходитъ (какъ это и не можетъ быть иначе) то, что промышленность, ставя своей главной цѣлью удовлетвореніе требованій богатыхъ и самаго богатаго изъ богатыхъ лица — правительства, главныя силы свои направляетъ не на улучшеніе труда земледѣльцевъ, а на возможность кое-какъ обрабатывать машинами большія пространства земли, отнятыя у народа, на приготовленіе женскихъ нарядовъ, роскошныхъ дворцовъ, конфектъ, игрушекъ, автомобилей, табаку, вина, гастрономическихъ предметовъ, лѣкарствъ, огромнаго количества печатной бумаги, пушекъ, ружей, пороха, ненужныхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п.

А какъ какъ никогда не можетъ быть конца прихотямъ людскимъ, когда онѣ удовлетворяются не своими, а чужими трудами, то промышленность все болѣе и болѣе занимается самыми ненужными, глупыми, развращающими людей производствами и все больше и больше отвлекаетъ людей отъ разумнаго труда; и конца этимъ выдумкамъ и приготовленіямъ потѣхъ для праздныхъ людей не предвидится никакого,—тѣмъ болѣе, что чѣмъ глупѣе и развратнѣе изобрѣтенія, какъ замѣняющіе ноги и животныхъ автомобили, подъемныя на горы желѣзныя дороги или блиндированные автомобили съ пулеметами, тѣмъ болѣе довольны и гордятся ими какъ изобрѣтатели, такъ и пользующіеся ими.

VII.

По мѣрѣ продолжительности существованія представительства и распространенія его западные народы все болѣе и болѣе оставляли земледѣліе и отдавали свои умственныя и тѣлесныя силы на дѣятельность

промышленную и торговую для удовлетворенія роскоши богатыхъ классовъ, для борьбы народа съ народомъ и для развращенія неразвращенныхъ людей. Такъ, въ Англіи, живущей долѣе другихъ націй подъ представительнымъ правленіемъ, теперь уже менѣе одной седьмой только населенія занято земледѣліемъ, въ Германіи 0,45, во Франціи половина; такъ и въ другихъ государствахъ. Такъ что въ настоящее время положеніе этихъ государствъ таково, что, еслибъ они могли избавиться отъ бѣдствій пролетаріата, они не могли бы существовать независимо отъ другихъ странъ. Всѣ народы эти не могутъ сами кормиться своими трудами, и всегда, какъ пролетаріи отъ достаточныхъ классовъ, находятся въ полной зависимости отъ тѣхъ народовъ, которые кормятъ себя и могутъ продавать имъ свои избытки, какъ Индія, Россія, Австралія.

Англія на своей землѣ въ настоящее время прокармливаетъ менѣе одной пятой своего населенія, Германія—менѣе половины, такъ же и Франція, такъ же и другіе народы; и положеніе этихъ народовъ съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе зависимымъ отъ средствъ пропитанія, доставляемыхъ имъ другими народами.

Для того же, чтобы существовать этимъ народамъ, имъ необходимы тѣ обманы и насилія, которые называются на ихъ языкѣ пріобрѣтеніемъ рынковъ и колоніальной политикой, что они и дѣлаютъ, естественно стремясь все дальше и дальше закидывать свои порабо-тительныя сѣти на людей, живущихъ еще разумной трудовой жизнью во всѣхъ частяхъ свѣта. Всѣ они, соперничая другъ съ другомъ, все сильнѣе и сильнѣе вооружаются и все хитрѣе и хитрѣе подъ разными предлогами занимаютъ у людей, живущихъ разумной жизнью, ихъ земли и заставляютъ ихъ кормить себя.

До сихъ поръ они еще могутъ дѣлать это. Но предѣлъ захвата рынковъ, обмана покупателей, продажи ненужныхъ и вредныхъ предметовъ и порабощенія далекихъ народовъ уже виденъ. Люди далекихъ наро-

довъ начинаютъ уже сами развращаться, научаются дѣлать сами для себя всѣ тѣ предметы, которые имъ доставляли западные народы, — главное же, научаются нехитрой наукѣ такъ же воружаться и быть столь же жестокими, какъ ихъ учителя.

Такъ что уже виденъ конецъ такого безнравственнаго существованія. И люди западныхъ народовъ видятъ этотъ конецъ и, чувствуя себя не въ силахъ остановиться, спасаются, какъ это всегда дѣлаютъ люди, губящіе свою жизнь и видящіе это,—спасаются самообманомъ и слѣпой вѣрой. И такая слѣпая вѣра все болѣе и болѣе распространяется среди большинства западныхъ народовъ. Вѣра эта состоитъ въ томъ, что тѣ изобрѣтенія, усовершенствованія для увеличенія удобствъ жизни богатыхъ людей и всѣ тѣ изобрѣтенія средствъ борьбы съ людьми, т.-е. убійства людей, которыя въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній были вынуждены изготавливать порабощенные рабочіе,—составляютъ нѣчто очень важное, почти священное, называемое на языкѣ людей, поддерживающихъ такую жизнь, культурой или еще важнѣе *цивилизаціей*.

И какъ у всякой вѣры была своя наука, такъ у вѣры въ цивилизацію есть своя наука соціологія, цѣль которой одна: оправданіе того ложнаго и безвыходнаго положенія, въ которомъ находятся теперь люди западнаго міра. Наука эта доказываетъ, что всѣ тѣ изобрѣтенія: броненосцы, телеграфы, нитроглицериновыя бомбы, фотографіи, электрическія дороги и т. п. всякаго рода одуряющія народъ глупыя и гадкія выдумки, предназначенныя на увеличеніе удобствъ праздныхъ людей и для защиты ихъ силой, представляютъ изъ себя не только нѣчто хорошее, но и священное, предопредѣленное высшими неизмѣнными законами; и что поэтому тотъ самый развратъ, который они называютъ цивилизаціей, есть необходимое условіе жизни людской и неизбѣжно долженъ быть усвоенъ всѣмъ человѣчествомъ.

И вѣра эта такъ же слѣпа, какъ и всякая вѣра, и такъ же непоколебима и самоувѣренна.

Можно спорить и обсуждать всякія положенія, но цивилизація, именно тѣ изобрѣтенія и тѣ формы жизни, въ которыхъ мы живемъ, и всѣ тѣ глупости и гадости, которыя мы производимъ, есть несомнѣнное благо, не подлежащее обсужденію. Все, что нарушаетъ вѣру въ цивилизацію — ложь; все, что поддерживаетъ эту вѣру—священная истина.

Вотъ эта-то вѣра и эта наука этой вѣры и дѣлаютъ то, что западные люди, идя по своему гибельному пути, не желаютъ видѣть и признавать того, что этотъ путь ведетъ къ неизбѣжному уничтоженію тѣхъ, которые идутъ по немъ. Самые же такъ называемые передовые изъ нихъ веселятъ себя при этомъ мыслью, что они, не сворачивая съ этого пути, придутъ не къ погибели, а къ величайшему благу. Они увѣряютъ себя, что посредствомъ того же насилія, которое привело ихъ къ ихъ гибельному положенію, сдѣлается еще и то, что среди людей, стремящихся къ наибольшему матеріальному, животному благу, какъ-то сами собой, подъ вліяніемъ ученія соціализма, вдругъ явятся люди, которые, обладая властью, но не развращаясь ею, установятъ такую жизнь, при которой люди, привыкшіе къ жадной эгоистической борьбѣ за свои выгоды, вдругъ сдѣлаются самоотверженными и всѣ будутъ вмѣстѣ на общую пользу работать и всѣмъ равно пользоваться.

Но и это вѣрованіе, не имѣя никакихъ разумныхъ основаній, въ послѣднее время теряетъ все больше и больше довѣрія среди мыслящихъ людей и держится только въ массахъ рабочаго народа, которому оно отводитъ глаза отъ бѣдствій настоящаго, давая хоть какую-нибудь надежду на блаженное будущее.

Такова общая большинству западныхъ народовъ вѣра, влекущая ихъ къ погибели. И влеченіе это такъ сильно, что голоса жившихъ среди нихъ мудрыхъ людей, какъ Руссо, Ламенэ, Карлейль, Рёскинъ, Чаннингъ, Гаррисонъ, Эмерсонъ, Герценъ, Карпентеръ, не оставляютъ никакого слѣда въ сознаніи людей, бѣгущихъ къ погибели и не хотящихъ видѣть и признавать этого.

И вотъ на этотъ путь погибели приглашаютъ теперь русскій народъ европейскіе политики, радуясь тому, что еще новый народъ присоединится къ ихъ безвыходному положенію. И на тотъ же путь толкаютъ его легкомысленные русскіе люди, находящіе гораздо болѣе удобнымъ и простымъ, вмѣстѣ того, чтобы думать своимъ умомъ, рабски слѣдовать тому, что въ свое время, за сотни лѣтъ тому назадъ, еще не зная того, куда это приведетъ ихъ, дѣлали западные народы.

VIII.

Подчиненіе насилію привело какъ восточные, продолжающіе повиноваться своимъ развращеннымъ властителямъ народы, такъ и западные народы, распространившіе власть и сопутствующее ей развращеніе среди народныхъ массъ, не только къ великимъ бѣдствіямъ, но и къ неизбѣжному столкновенію западныхъ народовъ съ восточными,—столкновенію, угрожающему тѣмъ и другимъ народамъ еще большими бѣдствіями.

Западные народы, кромѣ своихъ внутреннихъ бѣдствій и развращенія большей части своего населенія вслѣдствіе его участія во власти,—приведены къ необходимости обманомъ и насиліемъ отнимать для своего пропитанія труды восточныхъ народовъ, чего они и достигаютъ посредствомъ выработанныхъ ими извѣстныхъ пріемовъ, называемыхъ цивилизаціей, дающихъ имъ для этого возможность, до тѣхъ поръ пока восточные народы не научились тому же. Восточные народы, большинство ихъ, до сихъ поръ продолжаютъ повиноваться своимъ правительствамъ и, отставая въ выработкѣ средствъ борьбы съ западными народами, приведены къ необходимости покоряться имъ.

Но нѣкоторые изъ нихъ уже теперь начинаютъ выучиваться тому разврату цивилизаціи, которому обучаютъ ихъ европейцы, и, какъ это показали японцы, легко усваиваютъ всю немудрую хитрость безнравственныхъ и жестокихъ пріемовъ цивилизаціи и гото-

вятся тѣми же средствами, которыя употреблялись противъ нихъ, дать отпоръ своимъ угнетателямъ.

И вотъ русскій народъ, стоящій между тѣми и другими народами, усвоившій себѣ отчасти пріемы Запада, но продолжавшій до настоящаго времени повиноваться своему правительству, самой судьбой поставленъ въ такое положеніе, при которомъ онъ долженъ остановиться и задуматься, съ одной стороны видя тѣ бѣдствія, къ которымъ вмѣстѣ съ восточными народами привело его повиновеніе деспотической власти, а съ другой — видя то, что ограниченіе власти среди западныхъ народовъ и распространеніе ея во всемъ народѣ не облегчило бѣдствій народа, а только привело людей этихъ народовъ и къ развращенію и къ тому положенію, въ которомъ они должны жить обманомъ и грабежомъ другихъ народовъ, русскій народъ, естественно, долженъ какъ-нибудь иначе измѣнить свое отношеніе къ власти, а не такъ какъ, измѣняли его западные народы.

Русскій народъ стоитъ теперь въ положеніи сказочнаго богатыря на раздѣленіи двухъ дорогъ, одинаково ведущихъ къ гибели.

Продолжать повиноваться своему правительству русскому народу уже невозможно: невозможно потому, что, разъ освободившись отъ того престижа, который до сихъ поръ окружалъ русское правительство, разъ понявъ, что большинство испытываемыхъ народомъ бѣдствій происходитъ отъ правительства, русскій народъ уже не можетъ перестать понимать причину испытываемыхъ имъ бѣдствій и не желать освободиться отъ нея.

Не можетъ, кромѣ того, продолжать повиноваться правительству русскій народъ еще и потому, что въ дѣйствительности теперь правительства, такого правительства, которое даетъ досугъ и спокойствіе народу, уже не существуетъ; есть только двѣ озлобленныя борющіяся партіи, но того правительства, которому спокойно бы можно было повиноваться, уже нѣтъ теперь.

Продолжать теперь русскому народу повиноваться

своему правительству, значитъ продолжать нести не только все увеличивающіяся и увеличивающіяся бѣдствія, которыя онъ терпѣлъ и терпитъ: обезземеленіе, голодъ, тяжелыя подати, безполезныя, жестокія и губительныя войны, но и, главное, принимать еще участіе въ тѣхъ злодѣяніяхъ, которыя для своей защиты и, очевидно тщетно, совершаетъ теперь это правительство.

Еще менѣе разумно русскому народу вступить на путь западныхъ народовъ, когда погибельность этого пути уже явно обозначилась. Явно неразумно было бы русскому народу поступить такъ, потому что западные народы могли избрать тотъ путь, который привелъ ихъ къ сознанію ложности его, тогда, когда они не знали еще, къ чему онъ приведетъ ихъ; русскій же народъ не можетъ не знать и не видѣть этого.

Кромѣ того, вступая на этотъ путь, большинство людей Запада были преимущественно люди, добывающіе свои средства существованія промышленностью, обмѣномъ, торговлей и рабовладѣльчествомъ прямымъ (неграми) или косвеннымъ, какъ это происходитъ и теперь въ европейскихъ колоніяхъ; русскій же народъ—народъ преимущественно земледѣльческій. Вступить русскому народу теперь на тотъ путь, по которому шли западные народы, значитъ сознательно совершать тѣ же насилія, какія требуетъ отъ него его правительство, только не за правительство, а противъ него, т.-е. грабить, жечь, взрывать, убивать людей, вести междоусобную войну и, совершая всѣ эти злодѣянія, знать, что совершаешь ихъ теперь уже не по чужой, а по своей волѣ, и въ концѣ концовъ достигнуть только того, чтобы, такъ же, какъ и всѣ западные народы, послѣ вѣковой борьбы испытывать всѣ тѣ же главныя бѣдствія, отъ которыхъ онъ страдаетъ теперь: лишеніе земли, тяжелыя, все растущія подати, государственные долги, увеличивающіяся вооруженія и жестокія безсмысленныя войны. И, мало того, лишиться при этомъ, какъ и западные народы, своего главнаго блага — своей привычной, любимой земледѣльческой жизни, стать въ безвыходное положеніе зависимости

отъ чужихъ трудовъ. Да еще стать въ это положеніе при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, т.-е. бороться съ западными народами промышленной и торговой борьбой съ полной увѣренностью быть побѣжденными. Погибель на томъ, погибель и на этомъ пути.

IX.

Что же дѣлать русскому народу?

Отвѣтъ, казалось бы самый естественный и простой, вытекающій изъ сущности самого дѣла: не дѣлать ни того ни другого, т.-е. не повиноваться ни своему правительству, которое довело его до настоящаго бѣдственнаго состоянія, ни устраивать себѣ по образцу западныхъ народовъ такое же представительное, насильническое правительство, которое привело эти народы къ еще худшему положенію.

Отвѣтъ этотъ самый простой и естественный, особенно свойственъ русскому народу вообще и въ особенности въ его теперешнемъ положеніи.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ можно только удивляться, для чего крестьянинъ-земледѣлецъ Тульской, Саратовской, Вологодской, Харьковской губерніи, не получая никакой выгоды отъ своего подчиненія правительству и только терпя отъ этого подчиненія всякія бѣдствія въ видѣ поборовъ, судовъ, отниманія земли, солдатчины, до сихъ поръ не только покорялся правительству, но самъ, дѣлая противныя своей совѣсти дѣла, содѣйствовалъ своему порабощенію: давалъ подати, не зная и не спрашивая, на что онѣ употребляются, давалъ своихъ сыновей въ солдаты, еще менѣе зная для чего нужны мученія и смерть этихъ, съ такимъ трудомъ вскормленныхъ и такъ необходимо нужныхъ ему, работниковъ.

Такъ же или еще болѣе удивительно было бы то, чтобы такой, живущій своей мирной независимой жизнью и совершенно не нуждающійся въ правительствѣ земледѣлецъ крестьянинъ для того, чтобы избавиться отъ тягостей, претерпѣваемыхъ имъ отъ на-

сильнической ненужной ему власти, вмѣсто того, чтобы просто перестать повиноваться ей, сталъ посредствомъ того самаго насилія, отъ котораго онъ страдаетъ, замѣнять прежнюю насильническую власть новою такою же насильническою, какъ это дѣлалъ въ свое время французскій или англійскій крестьянинъ.

Вѣдь стоитъ только русскимъ земледѣльческимъ людямъ перестать повиноваться какому бы то ни было насильническому правительству и перестать участвовать въ немъ, и тотчасъ уничтожились бы сами собой и подати, и солдатства, и всѣ притѣсненія чиновниковъ, и земельная собственность, и происходящія отъ нея бѣдствія рабочаго народа. Уничтожились бы всѣ эти бѣдствія, потому что некому бы было производить ихъ.

Русскій народъ находится, для того чтобы поступить такъ, въ исключительно выгодныхъ для этого какъ историческихъ, такъ и экономическихъ и религіозныхъ условіяхъ.

Первое условіе то, что русскій народъ пришелъ къ необходимости измѣненія своего отношенія къ власти тогда, когда ошибочность пути, по которому шли западные народы, съ которыми онъ уже давно находится въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ, выяснилась вполнѣ.

Власть на Западѣ совершила полный кругъ; люди западныхъ народовъ, какъ и всѣ народы, сначала допустили надъ собой насильническую власть для того, чтобы избавиться отъ борьбы, заботъ и грѣха власти. Когда же власть эта развратилась и стала тяжела, они захотѣли облегчить ея тяжесть ограниченіемъ ея, т.-е. участіемъ въ ней. Участіе это, все болѣе и болѣе распространяясь, сдѣлало то, что все большее и большее количество людей стало участвовать во власти. И кончилось тѣмъ, что люди, допустившіе власть для того, чтобы быть свободными отъ борьбы и участія во власти, были въ большинствѣ своемъ приведены къ необходимости участія въ борьбѣ и власти, и къ необходимому послѣдствію, сопутствующему власти— къ развращенію.

Выяснилось вполнѣ, что мнимое ограниченіе власти есть только перемѣна властителей и увеличеніе ихъ числа и, вслѣдствіе этого, увеличеніе развращенія, раздраженія и озлобленія людей. (Власть какъ была, такъ и осталась властью немногихъ худшихъ надъ большинствомъ лучшихъ людей). Выяснилось еще и то, что увеличеніе числа участниковъ власти отвлекло людей отъ свойственнаго всѣмъ людямъ труда земледѣлія и привело ихъ къ производству и перепроизводству фабричнымъ трудомъ предметовъ ненужныхъ и вредныхъ и принудило большинство западныхъ народовъ основать свою жизнь на обманѣ и порабощеніи другихъ народовъ.

То, что все это вполнѣ выяснилось въ наше время на жизни западныхъ народовъ, въ этомъ первое выгодное условіе, въ которомъ находится русскій народъ, только теперь переживающій моментъ необходимости измѣненія своего отношенія къ власти.

Русскому народу идти теперь на тотъ путь, по которому шли западные народы, все равно что путешественнику идти на тотъ ложный путь, на который сбились его предшественники, и съ котораго ужъ возвращаются ему навстрѣчу наиболѣе проницательные изъ сбившихся на ложный путь людей.

Второе условіе то, что въ то время, какъ всѣ западные народы болѣе или менѣе оставили уже или оставляютъ земледѣліе и живутъ преимущественно промышленной и торговой жизнью, русскій народъ приведенъ къ необходимости измѣненія своего отношенія къ власти тогда, когда онъ живетъ еще въ огромномъ большинствѣ своемъ земледѣльческой жизнью, любитъ ее, дорожитъ ею, такъ что большинство русскихъ людей, оторвавшихся отъ земледѣльческой жизни, всегда готовы вернуться къ ней при первой возможности.

Условіе это особенно важно для русскихъ людей при освобожденіи себя отъ зла власти, такъ какъ при земледѣльческой жизни люди менѣе всего нуждаются въ правительствѣ, или, скорѣе, земледѣльческая жизнь менѣе всякой другой даетъ правительству поводы вмѣшательства въ жизнь народа. Я знаю земледѣль-

ческія общины, которыя уходили на дальній Востокъ, селились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было ясной, опредѣленной границы Китая и Россіи, и, не имѣя дѣла ни съ какимъ правительствомъ, жили и благоденствовали, пока не бывали открыты русскими чиновниками.

Люди городскіе обыкновенно смотрятъ на земледѣльческую жизнь, какъ на одно изъ низшихъ занятій, которымъ человѣкъ можетъ отдавать свои силы. А между тѣмъ огромное большинство людей всего міра занято земледѣліемъ и на этомъ занятіи держится возможность существованія всѣхъ остальныхъ людей. Такъ что въ дѣйствительности родъ человѣческій состоитъ только изъ земледѣльцевъ. Всѣ же остальные люди: министры, слесаря, профессора, плотники, художники, портные, ученые, лѣкаря, генералы, солдаты,— суть только или слуги или паразиты земледѣльцевъ. И потому земледѣліе, кромѣ того, что составляетъ самое нравственное, здоровое, радостное и нужное занятіе, есть и высшее изъ всѣхъ занятій людскихъ и одно даетъ людямъ истинную независимость.

Русскій народъ въ своемъ огромномъ большинствѣ живетъ еще этой самой естественной, самой нравственной и независимой земледѣльческой жизнью, и это-то и составляетъ второе, великой важности, условіе, по которому русскому народу, придя къ необходимости измѣненія своего отношенія къ власти, возможно и естественно измѣнить его только въ смыслѣ освобожденія себя отъ зла всякой власти, посредствомъ простого прекращенія повиновенія какому бы то ни было правительству.

Таковы два первыя условія.

Оба эти условія внѣшнія.

Третье же условіе—внутреннее—состоитъ въ той религіозности, которая по даннымъ и русской исторіи. и по наблюденію иностранцевъ, изучавшихъ русскій народъ, и главное, по собственному внутреннему сознанію всякаго русскаго человѣка составляла и составляетъ исключительную черту характера русскаго народа.

Въ западной Европѣ, вслѣдствіе ли того, что Евангеліе, печатавшееся на латинскомъ языкѣ, было недоступно народу до реформаціи и осталось недоступно во всемъ католическомъ мірѣ, или вслѣдствіе утонченности средствъ, употребленныхъ папизмомъ для скрытія отъ народа истиннаго христіанства, вслѣдствіе ли особеннаго практическаго характера этихъ народовъ, несомнѣнно то, что сущность христіанства давно уже не только въ католичествѣ, но и въ лютеранствѣ и тѣмъ болѣе въ англиканствѣ перестала быть вѣрой, руководящей въ жизни, замѣнилась или внѣшними обрядами, или въ высшихъ сословіяхъ индиферентизмомъ и полнымъ отрицаніемъ всякой религіи. Между тѣмъ въ русскомъ народѣ, во всемъ огромномъ большинствѣ его, вслѣдствіе ли того, что Евангеліе стало доступно ему еще въ 10-мъ столѣтіи, вслѣдствіе ли грубости и тупости византійско-русской церкви, не-умѣло и потому неуспѣшно старавшейся скрыть христіанское ученіе въ его истинномъ смыслѣ, вслѣдствіе ли особенныхъ чертъ характера русскаго народа и его земледѣльческой жизни, христіанское ученіе въ его приложеніи къ жизни не переставало и до сихъ поръ продолжаетъ быть главнымъ руководителемъ жизни русскаго народа въ его огромномъ большинствѣ.

Съ самыхъ древнихъ временъ и до нашего времени христіанское пониманіе жизни проявлялось и до сихъ поръ проявляется въ русскомъ народѣ самыми разнообразными и только русскому народу свойственными чертами. Проявляется оно и въ признаніи братства и равенства всѣхъ людей какихъ бы то ни было породъ и народовъ, и въ полной вѣротерпимости, и въ неосужденіи преступниковъ, а въ признаніи ихъ несчастными; и въ вошедшемъ въ обычай въ извѣстные дни испрашиванія другъ у друга прощенія, даже въ обычномъ выраженіи: „прощайте“ и „простите“, при всякомъ разставаніи съ человѣкомъ; въ распространенномъ среди народа не только милосердіи къ нищенству но уваженія къ нему; въ той, часто грубо проявляющейся, готовности полной жертвы всѣмъ во имя того, что считается религіозной истиной, какъ это выража-

лось и выражается до сихъ поръ и въ самосожигателяхъ, и въ скопчествѣ, и даже въ недавнихъ случаяхъ зарыванія себя живыми въ землю.

Такое же христіанское отношеніе проявлялось всегда въ русскомъ народѣ и къ власти. Народъ всегда предпочиталъ покорность власти участію въ ней, всегда считалъ и считаетъ грѣхомъ, а никакъ не желательнымъ, положеніе властвующихъ. Въ этомъ христіанскомъ отношеніи русскаго народа къ жизни вообще и въ особенности къ власти и заключается то третье и самое важное условіе, по которому русскому народу въ его теперешнемъ положеніи проще и естественнѣе всего сдѣлать то, чтобы, продолжая жить своей обычной земледѣльческой, христіанской жизнью, не принимать никакого участія ни въ старой власти, ни въ борьбѣ между старой и новой.

Таковы тѣ три, особенныя отъ западныхъ народовъ условія, въ которыхъ находится русскій народъ въ теперешнее важное для него время. Условія эти, казалось, должны бы были побудить его къ избранію самаго простого выхода изъ своего положенія, состоящаго въ непризнаніи и неповиновеніи ни той, ни другой, никакой насильнической власти. А между тѣмъ русскій народъ въ теперешнее трудное и важное для него время не только не избираетъ этого естественнаго для него выхода, а, колеблясь между тѣмъ и другимъ, правительственными и революціонными насиліями, начинаетъ даже, въ лицѣ своихъ худшихъ представителей, принимать участіе въ насиліяхъ и какъ будто готовится идти по тому гибельному пути, по которому шли западные народы.

Отчего это?

X.

Отчего происходитъ и произошло такое удивительное явленіе, что люди, страдая отъ злоупотребленій власти, которую они сами допускаютъ и поддерживаютъ, не дѣлаютъ того, что самымъ простымъ и легкимъ способомъ избавляетъ ихъ отъ всѣхъ бѣдствій

власти.—не перестаютъ просто повиноваться ей? И не только не дѣлаютъ этого, но продолжаютъ дѣлать то самое, что лишаетъ ихъ тѣлѣснаго и духовнаго блага, или продолжая повиноваться существующей власти, или устанавливая такую же новую насильническую власть и повинуясь ей?

Отчего это? Люди чувствуютъ, что бѣдственность ихъ положенія происходитъ отъ насилія, смутно сознаютъ, что для того, чтобы имъ освободиться отъ своихъ бѣдъ, имъ нужна свобода, но удивительное дѣло—для того, чтобы избавиться отъ насилія и пріобрѣсти свободу, ищутъ, и употребляютъ, и придумываютъ самыя разнообразныя средства: бунты, перемѣну властителей, переустройство правленій, всякаго рода конституцій, установленіе новыхъ отношеній между государствами, колоніальную политику, организацію пролетаріата, тресты, соціалистическое устройство, все, но только не то одно, что проще и легче всего и навѣрное избавляетъ ихъ отъ всѣхъ бѣдствій: прекращеніе повиновенія власти.

Казалось, должно бы быть совершено ясно людямъ, не лишеннымъ разсудка, что насиліе производитъ насиліе, что единственное средство избавленія отъ насилія только въ неучастіи въ немъ. Средство это казалось бы совершенно очевидно. Совершенно очевидно, что люди, большее количество людей могутъ быть порабощены малымъ количествомъ людей только потому что порабощенные люди сами участвуютъ въ своемъ порабощеніи.

Если народы порабощены, то они порабощены только потому, что они или боролись насиліемъ съ насиліемъ или принимали участіе въ насиліи ради своихъ личныхъ выгодъ.

Люди, не борющіеся съ насиліемъ и не принимающіе участія въ немъ, такъ же не могутъ быть порабощены, какъ не можетъ быть разрѣзана вода.

Они могутъ быть ограблены, лишены возможности двигаться, изранены, убиты, но они не могутъ быть порабощены, т.-е. принуждены поступать противно своей разумной волѣ.

Такъ это съ отдѣльными людьми и то же съ народами. Если двѣсти милліоновъ индусовъ не повиновались власти, требующей отъ нихъ участія въ насиліяхъ, всегда связанныхъ съ убійствомъ: не шли бы въ солдаты, не давали бы податей на дѣла насилія, не льстились бы на предоставленныя имъ наспльниками отобранныя отъ нихъ же выгоды, не повиновались бы вводимымъ среди нихъ англійскимъ законамъ, то не только пятьдесятъ тысячъ англичанъ, но и всѣ англичане вмѣстѣ не могли бы поработить Индію, если бы индусовъ было не 200 милліоновъ, а одна тысяча. Точно такъ же и съ поляками, чехами, ирландцами, бедуинами и всѣми покоренными народами. То же и съ рабочими, порабощенными капиталистами. Никакіе капиталисты въ мірѣ не могли бы поработить рабочихъ, если бы сами рабочіе не помогали имъ, не содѣйствовали своему порабощенію.

Все это такъ очевидно ясно, что совѣстно говорить про это. А между тѣмъ разумно разсуждающіе во всѣхъ другихъ условіяхъ жизни люди не только не видятъ этого и не дѣлаютъ того, что указываетъ имъ разумъ, а дѣлаютъ все совершенно противное и разуму, и своей выгодѣ.

„Не могу я начать дѣлать первый то, что никто не дѣлаетъ, говоритъ каждый. Пускай начнутъ другіе, и тогда и я перестану повиноваться власти“. И то же говоритъ и другой, и третій, и всѣ.

Всѣ подъ предлогомъ, что никто не можетъ начинать первый, не дѣлаютъ того, что для всѣхъ несомнѣнно выгодно, а продолжаютъ дѣлать то, что всѣмъ невыгодно и вмѣстѣ съ тѣмъ неразумно и противно природѣ людей.

Никто не хочетъ перестать повиноваться власти для того, чтобы не подвергнуть себя преслѣдованію власти, зная, что, повинуясь власти, онъ будетъ подвергаться на войнахъ и междоусобіяхъ всякаго рода гораздо худшимъ бѣдствіямъ.

Отчего это?

А оттого, что люди, подчиняющіеся власти, не

Фундаментальная библ.

разсуждаютъ, а дѣйствуютъ подъ вліяніемъ того, что всегда было однимъ изъ самыхъ распространенныхъ двигателей поступковъ людей, того, что особенно подробно изслѣдовано и выяснено въ послѣднее время и называется внушеніемъ или гипнозомъ. Гипнозъ этотъ, препятствующій людямъ дѣлать то, что свойственно ихъ разумной природѣ и всѣмъ имъ выгодно, и заставляющій ихъ дѣлать неразумное и невыгодное,—состоитъ въ признаніи того, что тѣ насилія, которыя совершаются людьми, называющими себя государственной властью, не суть просто безнравственные поступки безнравственныхъ людей, а есть проявленіе дѣятельности нѣкоего особеннаго, таинственнаго, священнаго существа, называемаго государствомъ, безъ котораго никогда не существовали люди (что совершенно несправедливо) и не могутъ существовать.

Но какъ, какимъ образомъ могутъ разумныя существа—люди подчиняться такому удивительному, противному разуму, чувству и выгодѣ людей внушенію?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ тотъ, что подлежатъ гипнозу, внушенію, не только дѣти, душевно больные и идіоты, но и всѣ люди въ той мѣрѣ, въ которой ослабляется въ нихъ религіозное сознаніе, т.-е. сознаніе своего отношенія къ тому высшему началу, отъ котораго зависитъ ихъ существованіе. Большинство же людей нашего времени все больше и больше становится лишеннымъ этого сознанія. Лишено же въ наше время большинство людей этого сознанія потому, что люди, разъ совершивъ грѣхъ подчиненія себя человѣческой власти, не признали этого грѣха грѣхомъ, а, стараясь скрыть отъ самихъ себя, оправдать эту ошибку, возвеличили ту власть, которой они подчинялись, и довели ее до того, что власть эта замѣнила для нихъ законъ божескій. Когда же законъ человѣческій замѣнилъ законъ божескій, люди лишились религіознаго сознанія, подпали государственному гипнозу, состоящему во внушенной имъ иллюзіи, что люди, порабощающіе ихъ, не суть просто заблудшіе, порочные люди, а суть представители того мистическаго существа го-

сударства, безъ котораго будто бы не могутъ жить люди.

Совершился ложный кругъ: подчиненіе власти ослабило и отчасти уничтожило въ людяхъ религіозное сознаніе, а ослабленіе и утрата религіознаго сознанія подчинили людей человѣческой власти.

Начало грѣха власти было такое: насильники сказали насилуемымъ: „Исполняйте то, что мы будемъ требовать отъ васъ: за неисполненіе нашихъ велѣній мы убьемъ васъ. Если же вы будете повиноваться, устроимъ у васъ порядокъ и защитимъ васъ отъ другихъ насильниковъ“.

И насилуемые, для того, чтобы имъ можно было жить своей привычной жизнью и не бороться ни съ этими, ни съ другими насильниками, какъ бы сказали: „Хорошо, мы будемъ повиноваться вамъ; устраивайте какіе хотите порядки, мы будемъ поддерживать эти порядки, только бы намъ можно было спокойно жить и кормиться съ своими семьями“.

Насилующіе не видали своего грѣха изъ-за увлеченія и выгодъ власти. Насилуемые же думали, что не совершаютъ грѣха, покоряясь насильникамъ, такъ какъ имъ казалось, что покорность ихъ лучше борьбы. Но въ этой покорности былъ грѣхъ, и грѣхъ былъ не менѣе грѣха тѣхъ, которые производили насилія. Если бы насилуемые переносили всѣ тяжести, поборы, жестокости, не признавая законности власти насильниковъ, не обѣщаясь повиноваться имъ, они бы не совершили грѣха. Но въ обѣщаніи повиновенія власти заключался грѣхъ (ἁμαρτία—ошибка, грѣхъ), такой же грѣхъ, какъ и грѣхъ властвующихъ.

Въ обѣщаніи повиновенія насильнической власти, въ признаніи ея законности былъ двойной грѣхъ, во 1-хъ, тотъ, что покорившіеся насильникамъ люди для того, чтобы избавиться отъ грѣха борьбы, допускали этотъ грѣхъ въ тѣхъ, кому они покорялись, и другой грѣхъ тотъ, что они отрекались отъ своей истинной свободы, т.-е. покорности волѣ Бога, обѣщаясь во всякомъ случаѣ повиноваться власти. А такое

обѣщаніе, включая въ себя допущеніе, при противорѣчіи требованій власти съ закономъ Бога, возможность неповиновенія Богу, обѣщаніе повиновенія человѣческой власти, было отреченіе отъ воли Бога, потому что насильническая власть государства, требуя отъ подчиняющихся участія въ убійствахъ, въ войнахъ, казняхъ, въ закопахъ, утверждающихъ приготовленія къ войнамъ и казнямъ, въ основѣ своей находится въ прямомъ противорѣчіи съ волей Бога. И потому люди, повинующіеся власти, этимъ самымъ повиновеніемъ отрицаютъ свое повиновеніе закону Божію.

Нельзя немножко въ одномъ отступить, а въ другомъ удержать законъ Бога. Ясно, что если въ одномъ чемъ-нибудь законъ Божій можетъ быть замѣненъ закономъ человѣческимъ, то законъ Бога уже не законъ высшій, всегда обязательный, а если онъ не такой, то и нѣтъ его.

Лишаясь же руководства закона Бога, т.-е. высшаго человѣческаго свойства, люди неизбѣжно опускаются на ту низшую ступень человѣческаго существованія, при которой мотивами ихъ дѣятельности становятся только личныя страсти и то *внушеніе*, которому они подвергаются.

Въ такомъ положеніи покорности внушенію, необходимости повиновенія государству находятся всѣ народы, живущіе въ соединеніяхъ, называемыхъ государствами. Въ такомъ же положеніи находится и русскій народъ.

Отъ этого-то и происходитъ то, кажущееся столь страннымъ явленіе, что сто милліоновъ земледѣльческаго русскаго народа, составляющаго такое большинство, что можетъ быть названо всѣмъ русскимъ народомъ, не нуждающихся ни въ какомъ правительствѣ, не избираютъ того естественнаго и наилучшаго выхода изъ своего положенія, состоящаго въ простомъ прекращеніи повиновенія всякой насильнической власти, а продолжая участвовать въ старомъ правительствѣ, все больше и порабощаютъ сами себя или, борясь съ этимъ правительствомъ, готовятъ себѣ новое, такое же какъ и прежнее, насильническое правительство.

XI.

Часто приходится слышать и читать разсужденія о причинахъ того раздраженнаго, непрочнаго и грозящаго всякаго рода опасностями положенія всѣхъ христіанскихъ народовъ и того ужаснаго положенія, въ которомъ находится теперь ошалѣвшій, озвѣрѣвшій, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, русскій народъ. Причины приводятся самыя разнообразныя. А между тѣмъ всѣ причины могутъ быть сведены къ одной. Люди *забыли Бога*, т.-е. забыли про свое отношеніе къ безконечному Началу жизни, забыли про вытекающее изъ этого отношенія назначеніе каждаго человѣка, состоящее прежде всего въ исполненіи для себя, для своей души закона, положеннаго этимъ Началомъ-Богомъ. Забыли про это вслѣдствіе того, что одни признали за собой право властвовать надъ людьми посредствомъ угрозы убійства, а другіе согласились повиноваться этимъ людямъ и участвовать въ ихъ властвованіи. Признавъ же это, люди самымъ дѣломъ отреклись отъ Бога и замѣнили Его законъ закономъ человѣческимъ.

Забывъ же про свое отношеніе къ Безконечному, люди, несмотря на всю утонченность произведеній разсудка, спустились въ своемъ большинствѣ на низшую степень сознанія, на ту степень, на которой они руководимы только животными страстями и стаднымъ внушеніемъ.

Отъ этого всѣ бѣдствія.

И потому избавленіе отъ бѣдствій, которыми сами себя мучаютъ люди,—въ одномъ: въ возстановленіи въ себѣ сознанія своей зависимости отъ Бога и вытекающаго изъ этого сознанія разумнаго и свободнаго отношенія къ себѣ и своимъ ближнимъ.

И вотъ это-то сознательное подчиненіе Богу и, вслѣдствіе его, прекращеніе грѣха власти и подчиненія ей и предстоитъ теперь всѣмъ народамъ, страдающимъ отъ послѣдствій своего грѣха.

И возможность и необходимость этого прекращенія повиновенія человѣческой власти и возвращенія къ закону Бога смутно чувствуется всѣми людьми и особенно живо теперь русскимъ народомъ. И въ этомъ смутномъ сознаніи возможности и необходимости возстановленія повиновенія закону Бога и прекращенія повиновенія власти человѣческой,—сущность того движенія, которое происходитъ теперь въ Россіи.

То, что совершается теперь въ русскомъ народѣ, не есть, какъ это представляется многимъ, возстаніе народа противъ своего правительства для замѣны одного правительства другимъ, а есть гораздо большее и значительнѣйшее явленіе. То, что двигаетъ теперь русскимъ народомъ, есть смутное сознаніе незаконности, неразумности всякаго насилія, насилія вообще и возможности и необходимости установленія жизни, основанной не на насильнической власти, какой она была до сихъ поръ во всѣхъ народахъ, а на разумномъ и свободномъ согласіи.

Совершитъ ли русскій народъ это великое предстоящее ему дѣло, или, пойдя по пути западныхъ народовъ, лишится этой возможности и предоставитъ другому, болѣе счастливому, восточному народу быть руководителемъ людей въ предстоящемъ всему человѣчеству дѣлѣ освобожденія отъ подмѣны божеской власти властью человѣческой, но несомнѣнно то, что въ наше время все яснѣе и яснѣе сознается всѣми народами возможность замѣны насильнической безумной и злой жизни жизнью свободной, разумной и доброй. А что есть въ сознаніи, то неизбѣжно осуществится въ дѣйствительности. Сознаніе людей есть проявленіе воли Бога. А воля Бога должна и не можетъ не совершиться.

XII.

„Но развѣ возможна общественная жизнь безъ власти? Безъ власти люди не переставая грабили бы и убивали другъ друга“,—говорятъ люди, вѣрующіе

только въ законъ человѣческій. Такіе люди искренно убѣждены, что воздерживаются отъ преступленій и живутъ добропорядочной жизнью люди только потому, то есть законъ, суды, полиція, администрація, войско и что безъ власти правительства общественная жизнь стала бы невозможной. Людямъ, развращеннымъ властью, кажется, что такъ какъ нѣкоторыя совершаемыя въ государствѣ преступленія сопровождаются карами правительства, то именно эти-то кары и удерживаютъ людей отъ тѣхъ преступленій, которыя могли бы еще быть совершены. Но то, что правительство караетъ нѣкоторыя преступленія, совсѣмъ не доказываетъ того, что существованіе судовъ, полиціи, войска, тюремъ и казней удерживаетъ людей отъ всѣхъ тѣхъ преступленій, которыя люди могли бы совершить. То, что количество совершаемыхъ въ обществѣ преступленій совершенно не зависитъ отъ карающей дѣятельности правительства, съ полной очевидностью доказывается тѣмъ, что при извѣстномъ настроеніи общества никакія усиленныя карательныя мѣры правительствъ не могутъ остановить совершеніе самыхъ смѣлыхъ, жестокихъ и нарушающихъ безопасность общества преступленій, какъ это происходило при всѣхъ революціяхъ и какъ это съ поразительной очевидностью происходитъ теперь въ Россіи.

Происходитъ это потому, что люди—большинство народа, весь рабочій народъ—воздерживаются отъ преступленій и живутъ доброй жизнью не отъ того, что есть полиція, войско, казни, а отъ того, что существуетъ, общее большинству людей, нравственное сознаніе, устанавливаемое общимъ религіознымъ пониманіемъ людей и основанное на этомъ пониманіи воспитаніемъ, обычаями, общественнымъ мнѣніемъ.

Только это нравственное сознаніе, выражаемое общественнымъ мнѣніемъ, и удерживаетъ людей отъ преступленій и въ городскихъ центрахъ, и въ особенности въ селахъ, гдѣ живетъ большинство населенія.

Я знаю многіе примѣры русскихъ земледѣльческихъ общинъ, выселявшихся на дальній Востокъ и жившихъ и благоденствовавшихъ тамъ десятки лѣтъ. Общины

эти управлялись сами собой, будучи неизвѣстны правительству и внѣ воздѣйствія его, и при открытіи ихъ агентами правительства только испытали новыя, неизвѣстныя имъ прежде, бѣдствія и получили новую склонность къ преступленіямъ.

Дѣятельность правительствъ не только не удерживаетъ людей отъ преступленій, а, напротивъ, всегда расшатывая и понижая нравственный уровень общества, увеличиваетъ ихъ количество. И это не можетъ быть иначе, такъ какъ правительства всегда и вездѣ по самому призванію своему необходимо должны ставить на мѣсто высшаго, обязательнаго для всѣхъ, не писаннаго въ книгахъ, а написаннаго въ сердцахъ людей вѣчнаго, религіознаго закона, свои, писанные людьми и имѣющіе цѣлью не общее благо, не справедливость, а вызванные политическими, внутренними и внѣшними соображеніями, несправедливые законы.

Таковы всѣ, существующіе во всѣхъ правительствахъ, явно несправедливые основные законы: законы объ исключительномъ правѣ малой части людей на общую всѣмъ землю, законы о правѣ однихъ людей на трудъ другихъ, объ обязанности людей давать деньги на цѣли убійства или самимъ идти въ солдаты и воевать, законы о монополіяхъ на одуряющую отраву, или о запрещеніи обмѣниваться предметами труда черезъ извѣстную черту, называемую границей, или о казняхъ людей за поступки не безнравственные, но такіе, которые невыгодны властвующимъ.

Всѣ эти законы и требованія подъ угрозой насилія исполненія ихъ, и публичныя казни, совершаемыя за неисполненіе законовъ, и, главное, требованіе участія въ войнахъ и обычное восхваленіе военныхъ убійствъ и приготовленій къ нимъ, все это неизбѣжно понижаетъ уровень нравственнаго сознанія общества и выражающее его общественное мнѣніе.

Такъ что правительственная дѣятельность не только не поддерживаетъ нравственность, а, напротивъ, трудно придумать болѣе развращающее воздѣйствіе на на-

роды, чѣмъ то, которое совершалось и совершается всегда и всѣми правительствами.

Никогда никакимъ злодѣямъ изъ простыхъ людей не могло бы придти въ голову совершать всѣ тѣ ужасы костровъ, инквизицій, пытокъ, грабежей, четвертованій, вѣшаній, одиночныхъ заключеній, убійствъ на войнахъ, ограбленій народовъ и т. п., которые совершались и совершаются всѣми правительствами, и совершаются торжественно. Всѣ ужасы Стеньки Разина, пугачевщины и т. п. суть только послѣдствія и слабыя подражанія тѣхъ ужасовъ, которые производили Іоанны, Петры, Бироны и которые постоянно производились и производятся всѣми правительствами. Если дѣятельность правительствъ заставляетъ воздерживаться—что очень сомнительно—десятки людей отъ преступленій, то сотни тысячъ преступленій совершаются людьми только потому, что люди воспитываются для преступленій правительственными несправедливостями и жестокостями.

Если люди, участвующіе въ правительствахъ, торговые, промышленные, городскіе, тѣмъ или инымъ путемъ пользующіеся выгодами, даваемыми властью, еще могутъ вѣрить въ благодѣтельность власти, то люди земледѣльческіе не могутъ не знать, что правительство причиняетъ имъ только всякаго рода страданія и лишенія, но никогда не было имъ нужно и только развращало тѣхъ изъ его членовъ, которые подвергались его вліянію.

Такъ что доказывать людямъ, что они не могутъ жить безъ правительства, и что тотъ вредъ, который имъ сдѣлаютъ воры и грабители, живущіе среди нихъ, больше того вреда, какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго, который, угнетая и развращая ихъ, постоянно производятъ среди нихъ правительства, такъ же странно, какъ было странно во время рабства доказывать рабамъ, что имъ выгоднѣе быть рабами, чѣмъ свободными. Но какъ и тогда, несмотря на очевидность для рабовъ бѣдственности ихъ положенія, рабовладѣльцы доказывали и внушали, что рабамъ полезно быть ра-

бами, и что имъ будетъ хуже, если они будутъ свободны (иногда и сами рабы поддавались внушенію и вѣрили въ это), такъ и теперь правительства и люди, пользующіеся ихъ выгодами, доказываютъ, что правительства, грабящія и развращающія людей, необходимы для ихъ блага, и люди поддаются этому внушенію.

И люди вѣрятъ въ это, не могутъ не вѣрить, потому что, не вѣря въ законъ божескій, они вынуждены вѣрить въ законъ человѣческій. Для нихъ отсутствіе закона человѣческаго есть отсутствіе всякаго закона, а жизнь людей, не признающихъ никакого закона, ужасна, и потому для людей, не признающихъ закона Бога, отсутствіе человѣческой власти не можетъ не быть страшно, и они не хотятъ разстаться съ нею.

Отъ этого же невѣрія въ законъ Бога и происходитъ и то кажущееся страннымъ явленіе, что всѣ теоретики-анархисты, люди ученые и умные, начиная отъ Бакунина, Прудона и до Реклю, Макса Штирнера и Кропоткина, неопровержимо вѣрно и справедливо доказывая неразумность и вредъ власти, какъ скоро начинаютъ говорить о возможности устройства общественной жизни безъ того человѣческаго закона, который они отрицаютъ, такъ тотчасъ же впадаютъ въ неопредѣленность, многословіе, неясность, краснорѣчіе и совершенно фантастическія, ни на чемъ не основанныя предположенія.

Происходитъ это отъ того, что всѣ теоретики-анархисты эти не признаютъ того общаго всѣмъ людямъ закона Бога, которому свойственно подчиняться всѣмъ людямъ, а безъ подчиненія людей одному и тому же закону—человѣческому или божескому—не можетъ существовать человѣческое общество.

Освобожденіе отъ человѣческаго закона возможно только подъ условіемъ признанія общаго всѣмъ людямъ закона божескаго.

XIII.

„Но если и могутъ первобытныя земледѣльческія общины, въ родѣ теперешнихъ русскихъ, жить безъ правительства,—скажутъ на это:—то какъ же жить

тѣмъ милліонамъ людей, которые уже оставили земледѣліе и живутъ въ городахъ промышленной жизнью? Не могутъ же всѣ люди быть земледѣльцами".

Только земледѣльцами и могутъ быть всѣ люди,—совершенно вѣрно отвѣчаетъ на это возраженіе Генри Джорджъ.

„Но если бы всѣ люди вернулись теперь къ земледѣльческой жизни и стали жить безъ правительственной власти,—говорятъ еще,—то уничтожилась бы та цивилизація, до которой достигло человѣчество, а это было бы величайшимъ бѣдствіемъ, и потому возвращеніе къ земледѣльческой жизни было бы не благомъ, а зломъ для человѣчества".

Существуетъ употребительный людьми пріемъ для оправдыванія своихъ заблужденій. Пріемъ этотъ состоитъ въ томъ, что люди, считая неопровержимой аксіомой то заблужденіе, въ которомъ они находятся, самое заблужденіе это со всѣми происшедшими отъ него послѣдствіями соединяютъ въ одно понятіе и слово и понятію и слову этому приписываютъ особенное, неопредѣленное мистическое значеніе. Таковы понятія и слова: *церковь*, *наука*, *право*, *государство*, и *цивилизація*. Такъ, *церковь* не есть то, что она есть, т.-е. собраніе нѣкоторыхъ людей, подпавшихъ одному и тому же заблужденію, а есть собраніе истинно вѣрующихъ; *право* не есть собраніе несправедливыхъ законовъ, составленныхъ нѣкоторыми людьми, но есть опредѣленіе тѣхъ справедливыхъ условій, при которыхъ только и могутъ жить люди. *Наука* не есть то, что она есть: случайныя разсужденія, которыми въ данное время заняты праздные люди, а есть единое, истинное знаніе. Точно такъ же и цивилизація не есть то, что она есть дѣйствительно: вытекающая изъ насилія власти, ложно и вредно направленная дѣятельность западныхъ народовъ, подпавшихъ обману освобожденія отъ насилія насиліемъ, а есть несомнѣнно вѣрный путь къ будущему благу человѣчества.

Если и правда,—скажутъ защитники цивилизаціи,—что всѣ тѣ изобрѣтенія, техническія приспособленія,

промышленныя произведенія, которыми пользуются теперь только люди богатыхъ классовъ, недоступны теперь рабочимъ людямъ и потому въ настоящемъ никакъ не могутъ разсматриваться, какъ благо для всего человѣчества, то происходитъ это только отъ того, что всѣ эти техническія приспособленія не достигли еще того совершенства, котораго должны достигнуть, и распредѣлены еще не такъ, какъ должно. Когда же техника машинъ еще болѣе усовершенствуется и рабочіе освободятся отъ власти капиталистовъ, и всѣ заводы, фабрики будутъ въ ихъ рукахъ, тогда машины будутъ производить такъ много всего и такъ все это будетъ хорошо распредѣлено, что всѣ будутъ пользоваться всѣмъ, такъ что никто ни въ чемъ не будетъ нуждаться, и всѣ будутъ благоденствовать.

Но не говоря уже о томъ, что нѣтъ никакой причины предполагать, что тѣ самые рабочіе, которые теперь жадно борются другъ съ другомъ не только за существованіе, но за большія удобства, удовольствія и роскошь существованія, вдругъ сдѣлаются такъ справедливы и самоотверженны, что будутъ довольствоваться равной долей благъ, предоставляемыхъ имъ машинами; не говоря объ этомъ, самое предположеніе о томъ, что, при уничтоженіи власти правительства и капитала, всѣ тѣ заводы съ своими машинами, которые могли возникнуть и могли существовать только при власти правительства и капитала, останутся такими же, какъ они теперь, — самое предположеніе это совершенно произвольно.

Предполагать, что это такъ будетъ, все равно, что предполагать, что послѣ освобожденія крѣпостныхъ въ роскошномъ барскомъ имѣніи съ паркомъ, оранжереями, бесѣдками, домашнимъ театромъ, оркестромъ, картинной галлереей, конюшнями, охотами, кладовыми, полными разныхъ одеждъ,—всѣ эти блага будутъ отчасти раздѣлены освобожденными крестьянами между собою, отчасти сохранены для общественнаго пользованія.

Казалось бы очевидно, что въ такомъ барскомъ

имѣніи ни лошади, ни одежды, ни оранжереи богатаго барина не могутъ пригодиться освобожденнымъ крестьянамъ, и они не станутъ поддерживать ихъ, такъ и при освобожденіи рабочихъ отъ власти правительства и капитала не станутъ рабочіе поддерживать то, что возникло при этой власти, и освобожденные рабочіе не пойдутъ работать на заводы и фабрики, которые могли возникнуть только при ихъ порабощеніи, хотя бы эти заведенія могли быть и выгодны и пріятны для нихъ.

Правда, что жалко будетъ, при освобожденіи рабочихъ отъ ихъ рабства, тѣхъ хитроумныхъ машинъ, которыя такъ скоро и много ткутъ прекрасныхъ матерій или дѣлаютъ такія хорошія конфеты и зеркала и т. п., но такъ же жалко было и при освобожденіи крѣпостныхъ прекрасныхъ скаковыхъ лошадей, и картинъ, и магнолій, и музыкальныхъ инструментовъ, и театровъ, но какъ освобожденные крѣпостные заводили своихъ сообразныхъ своей жизни домашнихъ животныхъ и свои нужныя имъ растенія, а сами собой уничтожились и скаковыя лошади и магноліи, такъ же и рабочіе, освобожденные отъ власти и правительства и капитала, направятъ свои силы на совсѣмъ другія работы, чѣмъ прежде.

„Но вѣдь гораздо выгоднѣе печь всѣ хлѣбы въ одной печи, чѣмъ каждому топить свою, и гораздо выгоднѣе ткать въ 20 разъ скорѣе на фабрикѣ, чѣмъ на домашнемъ станкѣ“, и т. п.,—говорятъ защитники цивилизаціи, точно какъ будто бы люди безсловесная скотина, по отношенію которой всѣ вопросы рѣшаются пищей, одеждой, жилищемъ, большимъ или меньшимъ трудомъ.

Австралійскій дикарь очень хорошо знаетъ, что выгоднѣе сгородить одинъ шалашикъ для себя и для жены, а онъ городитъ два для того, чтобы и онъ и жена могли пользоваться одиночествомъ. Знаетъ и твердо знаетъ русскій крестьянинъ, что выгоднѣе жить однимъ домомъ съ отцомъ и братьями, а выдѣляется, строитъ свою избу и предпочитаетъ терпѣть

нужду, чѣмъ повиноваться старшимъ или браниться и ссориться. „Щей горшокъ, да самъ большой“. Я думаю, и большинство разумныхъ людей предпочтутъ сами чистить себѣ платье, сапоги, носить воду и заправлять лампу, чѣмъ, хоть по одному часу въ день, идти на фабрику работать обязательную работу для приготовленія всѣхъ машинъ, исполняющихъ эти дѣла.

Не будетъ насилія, и отъ этихъ прекрасныхъ машинъ, не только чистящихъ сапоги и вытирающихъ посуду, но и прорѣзывающихъ туннели и сдавливающихъ сталь и т. п., едва ли что-нибудь останется. Освобожденные рабочіе неизбѣжно дадутъ разрушиться всему тому, что возникло на ихъ рабствѣ, и неизбѣжно начнутъ заводить совсѣмъ другія машины и приспособленія съ другими цѣлями и въ другихъ размѣрахъ и въ совершенно другомъ распредѣленіи.

Это такъ ясно и очевидно, что люди не могли бы не видѣть этого, если бы не были одержимы суевѣріемъ цивилизаціи.

Вотъ это-то распространенное и утвердившееся суевѣріе и дѣлаетъ то, что всякое указаніе на то, что тотъ путь, по которому идетъ жизнь западныхъ народовъ, не вѣренъ, и всякая попытка вернуть заблудшихъ людей къ разумной и свободной жизни не только не принимается, но разсматривается какъ нѣкотораго рода кощунство или безуміе. Эта-то слѣпая вѣра въ то, что та жизнь, которую мы устроили себѣ, и есть наилучшая жизнь, и дѣлаетъ то, что всѣ главные дѣятели цивилизаціи: государственные люди, ученые, художники, торговцы, фабриканты, писатели, заставляя рабочихъ поддерживать свою праздную жизнь, не видятъ своего грѣха и вполнѣ увѣрены, что ихъ дѣятельность не есть то, что она есть въ дѣйствительности—дѣятельность безнравственная и вредная, а, напротивъ, есть дѣятельность очень полезная и важная, и что поэтому они очень важные и полезные для всего человѣчества люди, и что всѣ тѣ пустяки, глупости и гадости, которые производятся подъ ихъ руководствомъ, какъ-то: пушки, крѣ-

пости, синематографы, храмы, автомобили, разрывныя бомбы, фонографы, телеграфы, скоропечатныя машины, выпускающія горы бумаги съ напечатанными на ней гадостями, лжами и глупостями,—останутся такіе же и при свободныхъ рабочихъ и всегда будутъ составлять великое благо для человѣчества.

А между тѣмъ для людей свободныхъ отъ суевѣрія цивилизаціи не можетъ не быть совершенно ясно, что всѣ тѣ условія жизни, которыя у людей западныхъ народовъ называются теперь цивилизаціей, суть не что иное, какъ уродливыя произведенія самодурства высшихъ, властвующихъ классовъ, каковы были произведенія деспотовъ египетскихъ, вавилонскихъ, римскихъ: пирамиды, храмы, серали; каковы были произведенія русскихъ баръ: дворцы, крѣпостные оркестры, театры, пруды, кружева, охоты, парки, устраиваемые рабами для своихъ господъ.

Говорятъ, что прекращеніе повиновенія правительству и возвращеніе къ земледѣльческой жизни уничтожитъ всѣ успѣхи промышленности, до которыхъ достигли люди, и что поэтому прекращеніе повиновенія власти и возвращеніе къ земледѣльческой жизни будетъ дурно. Но нѣтъ никакой причины думать, что возвращеніе людей къ безвластію и земледѣльческой жизни уничтожитъ всѣ успѣхи промышленности, дѣйствительно полезные людямъ и не требующіе рабства людей. Если же прекращеніе повиновенія власти и возвращеніе къ земледѣльческой жизни и уничтожитъ производство того безконечнаго количества ненужныхъ, глупыхъ и вредныхъ вещей, которыми занята теперь значительная часть человѣчества, уничтожитъ и возможность существованія тѣхъ праздныхъ людей, которые придумываютъ всѣ эти ненужныя и вредныя вещи и оправдываютъ ими свое безнравственное существованіе, то уничтоженіе этихъ предметовъ и людей не будетъ уничтоженіемъ *всего*, выработаннаго человѣчествомъ для своего блага. Напротивъ, уничтоженіе всего, поддерживаемаго насиліемъ, выдвинетъ и вызоветъ усиленное производство всѣхъ тѣхъ полезныхъ и нуж-

ныхъ техническихъ усовершенствованій, которыя, не обращая людей въ машины и не губя ихъ жизни, могутъ облегчить трудъ и украсить жизнь земледѣльцевъ.

Разница будетъ только въ томъ, что, при освобожденіи людей отъ власти и возвращеніи къ земледѣльческому труду, предметы, производимые искусствомъ и промышленностью, не будутъ имѣть цѣлью, какъ теперь, потѣху богатыхъ людей, праздное любопытство, приготовленіе къ убійству или сохраненіе, въ ущербъ полезныхъ жизней, жизней ненужныхъ и вредныхъ, или изобрѣтенія машинъ, посредствомъ которыхъ можно кое-какъ производить малымъ числомъ рабочихъ большое количество предметовъ или обрабатывать большія пространства земли, а будутъ производить только тѣ предметы, которые могутъ увеличить производительность труда земледѣльцевъ, обрабатывающихъ своими руками свои земельные участки, и могутъ содѣйствовать улучшенію ихъ жизни, не отрывая ихъ отъ земли и не нарушая ихъ свободы.

XIV.

Но какъ же будутъ жить люди, не повинующіеся человѣческой власти? Какъ они будутъ завѣдывать своими общественными дѣлами? Что будетъ съ государствами? Что станется съ Ирландіей, Польшей, Финляндіей, Алжиромъ, Индіей, вообще съ колоніями? Въ какія соединенія сложатся народы?

Такіе вопросы дѣлаютъ люди, привыкшіе думать, что условія жизни всѣхъ людскихъ обществъ опредѣляются волей и распоряженіями нѣсколькихъ, и потому предполагающіе, что знаніе того, какъ сложится будущая жизнь общества, доступно людямъ. А между тѣмъ знаніе это никогда не было и не можетъ быть доступно людямъ.

Если бы спросили у самаго ученаго и образованнаго римскаго гражданина, привыкшаго думать, что

жизнь міра опредѣляется рѣшеніемъ римскаго сената и императоровъ, о томъ, чѣмъ будетъ римскій міръ черезъ нѣсколько столѣтій, или если бы онъ самъ задумалъ написать такую же книгу, какъ Белами, и подобныя ей, то можно навѣрно сказать, что онъ никакъ не могъ бы предсказать, хоть приблизительно, ни варваровъ, ни феодализмъ, ни папства, ни распаденія и обратнаго соединенія народовъ въ большія государства. Таковы же и тѣ картины, съ летающими машинами, икс-лучами, электрическими двигателями и соціалистическимъ устройствомъ жизни людей двухтысячнаго вѣка, которыя съ такой смѣлостью рисуютъ себѣ Белами, Морисы, Анатоли Франсы и др.

Мало того, что людямъ не дано знать, въ какую форму сложится въ будущемъ жизнь общества, людямъ бываетъ нехорошо отъ того, что они думаютъ, что могутъ знать это. Нехорошо потому, что ничто такъ не препятствуетъ правильному теченію жизни людей, какъ именно это мнимое знаніе о томъ, какова должна быть будущая жизнь людей. Жизнь и отдѣльныхъ людей и обществъ только въ томъ и состоитъ, что люди и общества идутъ къ невѣдомому, не переставая измѣняться не вслѣдствіе составленія разсудочныхъ плановъ нѣкоторыхъ людей о томъ, каково должно быть это измѣненіе, а вслѣдствіе вложеннаго во всѣхъ людей стремленія приближенія къ нравственному совершенству, достигаемому безконечно разнообразной дѣятельностью милліоновъ и милліоновъ человѣческихъ жизней. И потому тѣ условія, въ которыя станутъ между собою люди, тѣ формы, въ которыя сложится общество людей, зависятъ только отъ внутреннихъ свойствъ людей, а никакъ не отъ предвидѣнія людьми той или иной формы жизни, въ которую имъ желательно сложиться. А между тѣмъ люди, не вѣрующіе въ законъ Бога, всегда воображаютъ, что они могутъ знать, какое должно быть будущее состояніе общества, и не только опредѣляютъ это будущее состояніе но и совершаютъ всякаго рода дѣла, ими же самими признаваемыя дурными, для того, чтобы общество людей было именно

такимъ, какимъ они считаютъ, что оно должно быть.

То, что другіе люди несогласны съ ними и полагаютъ, что жизнь общества должна быть совсѣмъ иная, не смущаетъ ихъ, и люди, увѣрившись въ томъ, что они могутъ знать, какимъ должно быть будущее общество, не только отвлеченно рѣшаютъ, но дѣйствуютъ, сражаются, отнимаютъ имущество, запираютъ въ тюрьмы, убиваютъ людей для того, чтобы установить такое устройство общества, при которомъ, по ихъ мнѣнію, люди будутъ счастливы.

Старое разсужденіе Каіафы: „лучше погибнуть одному человѣку, чѣмъ всему народу“, неопровержимо для такихъ людей. Какъ не убить не только одного человѣка, но сотни, тысячи людей, если мы твердо увѣрены, что смерть этихъ тысячъ дастъ благо милліонамъ. Люди, не вѣрящіе въ Бога и законъ Его, не могутъ разсуждать иначе. Такіе люди живутъ, повинуясь только своимъ страстямъ, своимъ разсужденіямъ и общественному внушенію, и никогда не думали о своемъ назначеніи въ жизни, о томъ, въ чемъ истинное благо человѣка; а если и думали, то рѣшили, что знать этого нельзя. И эти-то люди, не зная ничего о томъ, въ чемъ благо отдѣльнаго человѣка, воображаютъ, что знаютъ, несомнѣнно знаютъ, что нужно для блага всего общества, такъ несомнѣнно знаютъ, что для достиженія этого блага, какъ они понимаютъ его, совершаютъ дѣла насилія, убійства, казней, которыя сами признаютъ дурными.

Сначала кажется страннымъ, какъ это люди, не знающіе того, что имъ нужно для самихъ себя, воображаютъ себѣ, что твердо и несомнѣнно знаютъ то, что нужно для всего общества, а, между тѣмъ, именно отъ того, что они не знаютъ того, что имъ нужно для самихъ себя, они и думаютъ, что знаютъ то, что нужно для всего общества.

То недовольство, которое они смутно испытываютъ, не имѣя никакого руководства въ жизни, они приписываютъ не себѣ, а дурному, не такому, какое они

придумали, устройству общества, и въ заботахъ объ этомъ переустройствѣ видятъ возможность забвенія и спасенія отъ сознанія неправильности своей жизни. Отъ этого-то люди, не знающіе, что дѣлать съ самими собой, всегда особенно твердо знаютъ, что дѣлать съ обществомъ. И чѣмъ меньше знаютъ о себѣ, тѣмъ тверже знаютъ объ обществѣ. Таковы большею частью или самые легкомысленные юноши, или самые развращенные общественные дѣятели, какъ Мараты, Наполеоны, Бисмарки. И отъ этого-то и полна исторія народовъ самыми ужасными злодѣяніями.

Самое же вредное послѣдствіе такого мнимаго предвидѣнія того, чѣмъ должно быть общество, и направленной на измѣненіе общества дѣятельности—то, что именно это-то мнимое предвидѣніе и эта-то дѣятельность и препятствуютъ больше всего движенію общества по тому пути, который свойствененъ ему для его истиннаго блага.

И потому на вопросъ о томъ, какая сложится жизнь народовъ, которые перестанутъ повиноваться власти, мы отвѣчаемъ, что мы не только не можемъ знать этого, но и не должны думать, что кто-нибудь можетъ знать это. Мы не можемъ знать, въ какія условія станутъ народы, переставшіе повиноватся власти, но несомнѣнно знаемъ, что мы, каждый изъ насъ, должны дѣлать для того, чтобы эти условія жизни народовъ были наилучшія. Мы несомнѣнно знаемъ, что для того, чтобы условія эти были наилучшими, мы прежде всего должны воздерживаться отъ тѣхъ дѣлъ насилія, которыя требуетъ отъ насъ существующая власть, и точно такъ же и отъ тѣхъ, къ которымъ призываютъ насъ люди, борющіеся съ существующей властью для установленія новой, и потому должны не повиноваться никакой власти. И должны не повиноваться не потому, что мы знаемъ, какъ сложится наша жизнь вслѣдствіе нашего прекращенія повиновенія власти, а потому, что повиновеніе власти, требующей отъ насъ нарушенія закона Бога,—есть грѣхъ. Это мы несомнѣнно знаемъ, знаемъ и то, что отъ того,

что мы не будемъ нарушать волю Бога, не будемъ дѣлать грѣха, ничего, кромѣ добра, какъ для насъ, такъ и для всего міра, выйти не можетъ.

XV.

Люди склонны вѣрить въ осуществленіе самыхъ невѣроятныхъ событій въ мірѣ, вѣрятъ въ возможность летать, общаться съ планетами, вѣрятъ въ возможность устройства соціалистическаго общества, въ спиритическія сообщенія и многія другія явно невозможныя вещи, но не хотятъ вѣрить въ то, чтобы то міровоззрѣніе, въ которомъ они со всѣми окружающими ихъ людьми живутъ въ данную минуту, могло измѣниться.

А между тѣмъ такія измѣненія, и самыя удивительныя, совершаются безпрестанно и съ нами самими и съ нашими ближними и съ цѣлыми обществами и народами, и эти-то измѣненія и составляютъ сущность жизни человѣчества.

Не говоря о всѣхъ тѣхъ измѣненіяхъ въ общественномъ сознаніи народовъ, которыя происходили въ историческія времена, на нашихъ глазахъ теперь въ Россіи совершается съ необыкновенной быстротой такое кажущееся поразительнымъ измѣненіе сознанія всего народа, которое не проявлялось ничѣмъ внѣшнимъ 2—3 года тому назадъ. Измѣненіе это, кажется намъ, совершилось вдругъ только потому, что происходившая въ духовной области подготовка этого измѣненія была незамѣтна намъ. То же совершается и теперь въ недоступной нашему наблюденію духовной области. Если русскій народъ, два года тому назадъ считавшій невозможнымъ не только неповиновеніе существующей власти, но даже осужденіе ея, теперь не только осуждаетъ власть, но и готовится не повиноваться ей и установить новую власть на мѣсто старой, то почему не предположить, что и теперь готовится въ сознаніи русскаго народа еще иное и свойственное ему измѣ-

неніе своего отношенія къ власти, состоящее въ нравственномъ, религіозномъ освобожденіи себя отъ нея.

Почему такого рода измѣненіе не могло бы совершиться среди всякаго—и теперь среди русскаго народа? Почему, вмѣсто того раздраженнаго, эгоистическаго настроенія взаимной борьбы, страха, ненависти, которое теперь охватило всѣ народы, вмѣсто всей той проповѣди лжи, безнравственности, насилія, которая теперь газетами, книгами, рѣчами, дѣлами такъ напряженно распространяется въ всѣхъ народахъ, не могло бы такъ же охватить всѣ народы и въ особенности теперь весь русскій народъ послѣ пережитыхъ имъ грѣховъ, страданій и ужаса религіозное, человѣчное, разумное, любовное настроеніе, которое открыло бы людямъ весь ужасъ подчиненія власти, въ которой они жили, и всю радостную возможность жизни разумной, любовной безъ насилія и власти?

Почему, какъ теперь, десятилѣтіями вліяній въ одномъ и томъ же направленіи, было подготовлено теперешнее проявленіе этого направленія въ революціи, не могло быть такъ же подготовлено сознаніе возможности и необходимости освобожденія себя отъ грѣха власти и установленія среди людей единенія, основаннаго на взаимномъ согласіи и уваженіи и на любви человѣка къ человѣку?

Лѣтъ 15 или 25 тому назадъ даровитый французскій писатель Дюма-сынъ написалъ обращенное къ Зола письмо, въ которомъ онъ, человѣкъ даровитый, умный, но занятый преимущественно вопросами эстетическими и общественными, уже будучи старикомъ, высказалъ между прочимъ поразительныя пророческія слова. Вотъ уже именно духъ Божій вѣетъ, гдѣ хочетъ.

„Душа всегда въ неперестающемъ трудѣ, въ постоянномъ развитіи и стремленіи къ свѣту и истинѣ,—писалъ онъ.

„До тѣхъ поръ, пока не получитъ весь свѣтъ и не завоюетъ всю истину, она будетъ мучить человѣка.

„И вотъ она никогда такъ не занимала, никогда не налагала съ такой силой свою власть на человѣка, какъ въ наше время. Она, такъ сказать, разлита во всемъ томъ воздухѣ, который вдыхаетъ міръ. Тѣ нѣсколько индивидуальныхъ душъ, которыя отдѣльно желали общественнаго перерожденія, мало-по-малу отыскали другъ друга, сблизились, поняли себя и составили группу, центръ притяженія, къ которому стремятся теперь другія души съ четырехъ концовъ свѣта, какъ летятъ жаворонки на зеркало; они составили такимъ образомъ общую, коллективную душу съ тѣмъ, чтобы люди впередъ осуществляли сообща, сознательно и неудержимо предстоящее единеніе и правильный прогрессъ націй, недавно еще враждебныхъ другъ другу. Эту новую душу я нахожу и узнаю въ явленіяхъ, которыя кажутся болѣе всего отрицающими ее.

„Эти вооруженія всѣхъ народовъ, эти угрозы, которыя дѣлаютъ другъ другу ихъ представители, эти возобновленія гоненій извѣстныхъ народностей, эти враждебности между соотечественниками суть явленія дурного вида, но не дурного предзнаменованія. Это—послѣднія судороги того, что должно исчезнуть. Болѣзнь въ этомъ случаѣ есть только энергическое усиліе организма освободиться отъ смертоноснаго начала.

„Тѣ, которые воспользовались и надѣялись еще долго и всегда пользоваться заблужденіями прошедшаго, соединяются съ цѣлью помѣшать всякому измѣненію. Вслѣдствіе этого—эти вооруженія, эти угрозы, эти гоненія, но если вы взглядитесь внимательнѣе, вы увидите, что все это только внѣшнее. Все это колоссально, но пусто.

„Во всемъ этомъ уже нѣтъ души: она перешла въ иное мѣсто. Всѣ эти милліоны вооруженныхъ людей, которые каждый день упражняются въ виду всеобщей истребительной войны, не ненавидятъ уже тѣхъ, съ которыми они должны сражаться, ни одинъ изъ ихъ начальниковъ не смѣетъ объявить войны. Что касается

до упрековъ, даже заражающихъ, которые слышатся снизу, то уже сверху начинаетъ отвѣчать имъ признающее ихъ справедливость великое и искреннее состраданіе.

„Взаимное пониманіе неизбѣжно наступитъ въ опредѣленное время и болѣе близкое, чѣмъ мы полагаемъ.

„Я не знаю, происходитъ ли это отъ того, что я скоро уйду изъ этого міра и что свѣтъ, исходящій изъ-подъ горизонта, освѣщающій меня, уже затемняетъ мнѣ зрѣніе, но я думаю, что нашъ міръ вступаетъ въ эпоху осуществленія словъ: „любите другъ друга“, безъ разсужденія о томъ, кто сказалъ эти слова: Богъ или человѣкъ.

„Спиритуалистическое движеніе, замѣтное со всѣхъ сторонъ, которымъ столько самолюбивыхъ и наивныхъ людей думаютъ управлять, будетъ безусловно человѣчно. Люди, которые ничего не дѣлаютъ съ умѣренностью, будутъ охвачены безуміемъ, бѣшенствомъ любить другъ друга. Это сначала, очевидно, не совершится само собой. Будутъ недоразумѣнія, можетъ-быть и кровавыя: такъ ужъ мы воспитаны и пріучены ненавидѣть другъ друга часто тѣми самыми людьми, которые призваны научить насъ любви. Но такъ какъ очевидно, что этотъ великій законъ братства долженъ когда-нибудь совершиться, я убѣжденъ, что наступаютъ времена, въ которыя мы неудержимо пожелаемъ, чтобы это совершилось“.

Я думаю, что мысль эта,—какъ ни странно выраженіе о томъ, что придетъ время, когда люди будутъ охвачены бѣшенствомъ любви,—мысль эта совершенно справедлива и чувствуется болѣе или менѣе смутно всѣми людьми нашего времени. Не можетъ не придти время, когда любовь, составляющая основную сущность души, займетъ въ жизни людей то мѣсто, которое свойственно ей, и будетъ главной основой отношеній людей между собой.

Время это готовится, время это наступаетъ.

„Мы теперь въ предсказанное Христомъ время, —

писалъ Ламенэ.—Отъ одного конца земли до другого все расшаталось. Во всѣхъ учрежденіяхъ, какихъ бы то ни было, во всѣхъ различныхъ системахъ, на которыхъ основывалась общественная жизнь народовъ, нѣтъ ничего твердаго. Всѣ чувствуютъ, что все это скоро должно разрушиться, и въ этомъ также храмѣ не останется камня на камнѣ. Но какъ разрушеніе Іерусалима и храма его, изъ коего удалился Богъ живой, предчувствовало и пріуготовило сооруженіе новаго града и новаго храма, куда по своей волѣ стекутся люди всѣхъ колѣнъ и всѣхъ народовъ,—такъ и изъ развалинъ нынѣшнихъ храмовъ и городовъ воздвигнется новый городъ и храмъ, предназначенный стать всемірнымъ храмомъ и общей родиной рода человѣческаго, до того разъединеннаго враждебными другъ другу ученіями, дѣлающими братьевъ чужими и сѣющими среди нихъ безбожное ненавистничество и отвратительныя войны. Когда придетъ тотъ, знаемый однимъ Богомъ, часъ соединенія народовъ въ одномъ храмѣ и въ одномъ градѣ, тогда наступитъ воистину воцареніе Христа, окончательное выполненіе Его божественной миссіи“.

То же писалъ Чаннингъ.

„Могущественныя силы работаютъ въ мірѣ,—писалъ онъ.—Никто не можетъ остановить ихъ. Признаки этого: новое пониманіе христіанства, новое уваженіе къ человѣку, новое чувство братства и одинаковаго отношенія всѣхъ людей къ Отцу всѣхъ. Мы видимъ это, мы чувствуемъ это. И передъ этимъ падутъ всѣ угнетенія. Общество, молчаливо проникнутое этимъ духомъ, перемѣняетъ свою вѣчную войну на миръ. Могущество все захватывающаго и кажущагося непобѣдимымъ себялюбія уступитъ этой естественной силѣ. „На землѣ миръ и въ людяхъ благоволеніе“ не всегда будетъ только мечтою“.

XVI.

Почему думать, что люди, находящіеся въ полной власти Бога, навсегда останутся въ томъ странномъ заблужденіи, что важны и обязательны только законы

человѣческіе, перемѣнчивые, случайные, несправедливые, мѣстные, а не единый вѣчный, справедливый и общій *всѣмъ* людямъ законъ Бога? Почему думать, что учителя человѣчества постоянно будутъ проповѣдывать, какъ теперь, что такого закона нѣтъ и не можетъ быть, а что есть только или у каждаго народа, у каждой секты свои законы обрядовые, религіозные или законы такъ называемые научные, законы вещества и воображаемые соціологическіе, ни къ чему не обязывающіе людей, или еще законы гражданскіе, которые люди сами могутъ измѣнять и устанавливать. Такое заблужденіе могло быть временнымъ, но почему думать, что люди, которымъ открытъ одинъ и тотъ же, написанный въ ихъ душѣ законъ Бога въ ученіяхъ браминовъ, Будды, Лаотзе, Конфуція, Христа,— не послѣдуютъ, наконецъ, этой единой основѣ всѣхъ законовъ, дающей имъ и нравственное удовлетвореніе, и радостную общественную жизнь, а всегда будутъ слѣдовать той злой и жалкой путаницѣ ученій, церковныхъ, научныхъ и государственныхъ, отвлекающихъ ихъ вниманіе отъ того, что одно нужно, и направляющихъ его на то, что не можетъ быть ни на что имъ нужно, такъ какъ не даетъ никакихъ указаній на то, какъ прожить свою жизнь каждому отдѣльному человѣку.

Почему думать, что люди будутъ, не переставая, нарочно мучить себя,—одни стараясь властвовать надъ другими, другіе со злобой и завистью повинуясь властвующимъ и выискивая средства стать самимъ властвующими. Почему предполагать, что прогрессъ, которымъ люди будутъ гордиться, будетъ всегда въ увеличеніи населенія, въ сохраненіи жизни, а не въ нравственномъ совершенствованіи жизни, — будетъ всегда въ жалкихъ механическихъ изобрѣтеніяхъ, благодаря которымъ люди будутъ производить все больше и больше ненужныхъ и вредныхъ, развращающихъ предметовъ, а не будетъ во все большемъ и большемъ единеніи другъ съ другомъ и необходимомъ для этого единенія покореніи своихъ похотей; почему не предполо-

жить, что люди будутъ радоваться и соревновать не богатствомъ, не роскошью, а простотой, умѣренностью и добротой другъ къ другу. Почему не думать, что люди будутъ видѣть прогрессъ не въ томъ, чтобы все больше и больше захватывать, а въ томъ, чтобы все меньше и меньше брать отъ другихъ, а все больше и больше давать другимъ; не въ томъ, чтобы увеличивать свою власть, не въ томъ, чтобы все успѣшнѣе и успѣшнѣе воевать, а въ томъ, чтобы все больше и больше смиряться и все тѣснѣе и тѣснѣе общаться— люди съ людьми и народы съ народами.

Почему вмѣсто того, чтобы представлять себѣ людей неудержимо отдающимися похоти и размножающимися какъ кролики, и для поддержанія своихъ размножающихся поколѣній устраивающими себѣ въ городахъ заводы съ приготовленіями химической пищи и живущими среди нихъ безъ растеній и животныхъ,— почему не представить себѣ людей цѣломудренныхъ, борющихся съ своими похотями, живущихъ въ любовномъ общеніи съ сосѣдями, среди плодородныхъ полей, садовъ, лѣсовъ, съ прирученными сытыми друзьями-животными, только съ той, противъ теперешняго ихъ состоянія, разницей, что они не признаютъ землю ничьей отдѣльной собственностью, ни самихъ себя принадлежащими какому-либо государству, не платятъ никому ни податей, ни налоговъ и не готовятся къ войнѣ и ни съ кѣмъ не воюютъ, а напротивъ все больше и больше мирно общаются народы съ народами.

И для того, чтобы представить себѣ жизнь людей такою, не нужно ничего выдумывать и въ представленіи своемъ измѣнять или прибавлять къ жизни тѣхъ земледѣльческихъ людей, которыхъ мы всѣ знаемъ въ Китаѣ, Россіи, Индіи, Канадѣ, Алжирѣ, Египтѣ, Австраліи.

Для того, чтобы представить себѣ жизнь такою, не нужно представлять себѣ какое-либо хитрое, мудрое устройство, а нужно только представить себѣ людей, не признающихъ никакого иного высшаго закона,

кромѣ единаго для всѣхъ, выраженнаго одинаково и въ браминской, и буддійской, и конфуціанской, и таосійской, и христіанской религіи закона любви къ Богу и ближнему.

И для того, чтобы жизнь была такой, не нужно представлять себѣ людей какими-либо новыми существами—добродѣтельными ангелами. Люди будутъ точно такіе же, какъ теперь, со всѣми свойственными имъ слабостями и страстями, будутъ и грѣшить, будутъ, можетъ быть, и ссориться, и прелюбодѣйствовать, и отнимать имущество, и даже убивать, но все это будетъ исключеніемъ, а не правиломъ, какъ теперь. Жизнь ихъ будетъ совсѣмъ другою уже по одному тому, что они не будутъ признавать добромъ и необходимымъ условіемъ жизни организованное насиліе, не будутъ воспитаны злодѣяніями правительствъ, выдаваемыми за добрыя дѣла.

Жизнь людей будетъ совсѣмъ другою уже по одному тому, что не будетъ болѣе того препятствія къ проповѣди и воспитанію въ духѣ добра, любви и покорности волѣ Бога, которое существуетъ теперь при признаніи необходимости и законности правительственнаго насилія, требующаго противнаго закону Бога, требующаго выставленія преступнаго и дурного въ видѣ законнаго и добраго.

Почему не представить себѣ, что люди своими страданіями будутъ доведены до того, что опомнятся наконецъ отъ того внушенія, гипноза, отъ котораго они долго страдали, и вспомнятъ о томъ, что они сыны и слуги Бога, и потому могутъ и должны повиноваться только Ему и своей совѣсти. И все это не только не трудно представить себѣ, но трудно представить себѣ, чтобы этого не было.

XVII.

„Аще не будете какъ дѣти, не внидете въ Царство Божіе“, относится не только къ отдѣльнымъ людямъ,

но и къ обществамъ людей. Какъ человѣкъ, испытавъ всѣ бѣдствія страстей и соблазновъ жизни, сознательно возвращается къ простому, любовному ко всѣмъ, открытому къ добру состоянію, въ которомъ безсознательно бываютъ дѣти, возвращается со всѣмъ богатствомъ опыта и разума взрослаго человѣка, такъ точно и общества людей, испытавъ всѣ бѣдственныя послѣдствія отступленія отъ закона Бога для повиновенія человѣческой власти и попытки устройства жизни внѣ земледѣльческаго труда, должны теперь со всѣмъ богатствомъ пріобрѣтеннаго во время заблужденія опыта сознательно возвратиться отъ соблазновъ человѣческой власти и отъ попытокъ основанія жизни на промышленной дѣятельности къ временно оставленному ими повиновенію высшему закону Бога и къ первобытной земледѣльческой жизни.

Сознательно возвратиться отъ соблазна человѣческой властикъ повиновенію одной высшей власти Бога значитъ признать обязательность для себя всегда и вездѣ вѣчнаго закона Бога, одинаковаго во всѣхъ ученіяхъ: браминскомъ, буддійскомъ, конфуціанскомъ, таосійскомъ, христіанскомъ, частью магометанскомъ (бабизмѣ),— несовмѣстимаго съ повиновеніемъ человѣческой власти.

Жить же сознательной земледѣльческой жизнью значитъ признавать земледѣльческую жизнь не случайнымъ временнымъ условіемъ жизни, а такою жизнью, при которой человѣку легче всего исполнять волю Бога и которая поэтому должна быть предпочтена всякой другой жизни.

И для такого возвращенія къ сознательному неповиновенію власти и къ земледѣльческой жизни,—для такого возвращенія на вѣрный путь находятся восточные народы, и въ томъ числѣ и русскій народъ, въ особенно выгодныхъ условіяхъ.

Западнымъ народамъ, такъ далеко ушедшимъ по ложному пути видоизмѣненій организаціи власти съ замѣной земледѣльческаго труда промышленнымъ,— возвращеніе это трудно и требуетъ великихъ усилій. Но рано или поздно все возрастающая раздраженность

и непрочность ихъ положенія заставитъ ихъ вернуться къ основанной на своемъ трудѣ, а не на эксплоатаціи другихъ народовъ разумной, истинно-свободной жизни. Какъ ни заманчивы внѣшніе успѣхи промышленности и красота лицевой стороны жизни, наиболѣе проницательные мыслители западныхъ народовъ уже давно указываютъ на гибельность ихъ пути и на необходимость обдумать, измѣнить свое положеніе, вернуться назадъ къ той земледѣльческой жизни, которая была начальной формой жизни всѣхъ народовъ и которая предназначена всѣмъ людямъ для возможности разумной и радостной жизни.

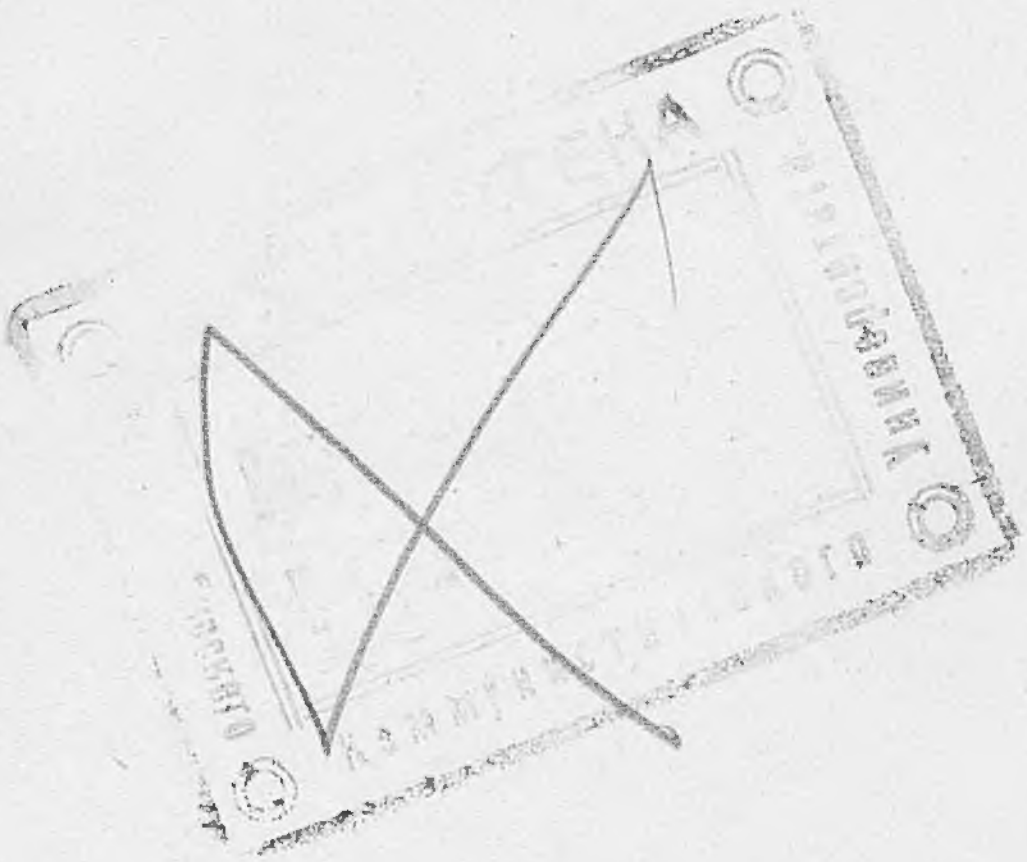
Большинству восточныхъ народовъ, и въ томъ числѣ и русскимъ людямъ, для этого не нужно ничего измѣнять въ своей жизни, нужно только остановиться на томъ ложномъ пути, на который они только-что вступили, и привести въ сознаніе то отрицательное отношеніе къ власти и любовное отношеніе къ земледѣлію, которое было имъ всегда свойственно.

Намъ, восточнымъ народамъ, надо быть благодарнымъ судьбѣ за то, что она поставила насъ въ такое положеніе, въ которомъ мы можемъ воспользоваться примѣромъ западныхъ народовъ, — воспользоваться этимъ примѣромъ не въ томъ смыслѣ, чтобы подражать имъ, а напротивъ въ томъ смыслѣ, чтобы не повторить ихъ ошибки, не дѣлать того, что они дѣлали, не ходить по тому гибельному пути, съ котораго ужъ возвращаются или готовы возвращаться намъ навстрѣчу такъ далеко ушедшіе по немъ западные народы.

Вотъ въ этой-то остановкѣ шествія по ложному пути и указаніи возможности и необходимости положенія и указанія другого, болѣе легкаго, радостнаго и свойственнаго человѣческой природѣ, пути, чѣмъ тотъ, по которому шли западные народы, въ этомъ главное и великое значеніе совершающейся теперь въ Россіи революціи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Глава I	6
Глава II	7
Глава III	9
Глава IV	10
Глава V.	13
Глава VI	16
Глава VII	19
Глава VIII.	23
Глава IX	26
Глава X.	31
Глава XI	37
Глава XII	38
Глава XIII.	42
Глава XIV.	48
Глава XV	52
Глава XVI.	56
Глава XVII.	59



Свердловская Высш. Коммун.
Фундаментальная
БИБЛИОТЕКА
Б/х. Школа им. В. И. Ленина

Карлъ Марксъ

РЕВОЛЮЦІЯ

II

КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ

въ Германіи

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ЦѢНА 40 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1906—ИЗДАНІЕ В. ВРУБЛЕВСКАГО

2р